7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 4(82)

Апрель 2021

Москва
2021

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Попов Дмитрий Владимирович, д-р философии по филол. наукам;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. – № 4(82).
М., Изд. «МЦНО», 2021. – 60 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/482>

ISSN : 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2021 г.

Содержание	
Искусствоведение	5
Музыкальное искусство	5
ЭТАПЫ АРАНЖИРОВКИ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ЭСТРАДНОГО АНСАМБЛЯ НА ПРИМЕРЕ КОМПОЗИЦИИ Г. ГУДВИНА «PLAY THAT FUNKY MUSIC» Мартыненко Михаил Валентинович	5
Техническая эстетика и дизайн	9
МЕТОДЫ ЭРГОНОМИКИ И ГИГИЕНЫ ТРУДА В РАБОТЕ С ОСВЕЩЕНИЕМ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ Носова Дарья Сергеевна	9
СПЕЦИФИКА МНОГОСТРАНИЧНОЙ ВЕРСТКИ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ Рябова Ольга Анатольевна	13
Культурология	17
Теория и история культуры	17
ПРАЗДНИК ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ «ВОРОНИЙ ДЕНЬ»: ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ Кузнецова Анастасия Михайловна	17
Филологические науки	23
Литературоведение	23
Русская литература	23
СИНТЕЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ПРЕДСИМВОЛИСТОВ Ивашина Виктория Валерьевна	23
МИСТЕРИЯ Д.Г. БАЙРОНА «КАИН» В ВОСПРИЯТИИ И.А. БУНИНА Щукина Вероника Александровна	27
Языкознание	31
Романские языки	31
ПРЕПОДАВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ Скалия Давиде	31
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С УЧЕТОМ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ФОНЕТИЧЕСКОМ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЯХ Власов Вадим Сергеевич	34
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	38
ХАРАКТЕРИСТИКА ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИМЕНЯЕМЫХ В МЕДИЦИНЕ И ИХ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Абдурахманова Мадина Улугбековна	38
Теория языка	41
ДОСТИЖЕНИЕ ЗАПЛАНИРОВАННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПУТЕМ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ Кодиров Олим Одилович	41
КОНЦЕПТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА Крячко Владимир Борисович Никитина Арина Суркова Анна	44
Papers in english	47
Linguistics	47
German languages	47
GAME EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES Tamara I. Nurusheva Karina R. Baimuratova	47

Languages of the people of foreign countries of europe, asia, africa, natives of america and australia (with instructions of concrete language or a language family)	51
A NAME STUDY OF "BURQAN QALDUN" IN THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS	51
Ravdan Enkhbayar	
Enkhjargal Purev	
Oyunsuren Tsend	

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.5-8

ЭТАПЫ АРАНЖИРОВКИ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОГО ЭСТРАДНОГО АНСАМБЛЯ
НА ПРИМЕРЕ КОМПОЗИЦИИ Г. ГУДВИНА «PLAY THAT FUNKY MUSIC»*Мартыненко Михаил Валентинович**ст. преп. кафедры Музыкальное искусство эстрады
Донецкой Государственной Музыкальной Академии имени С.С. Прокофьева
Украина, г. Донецк (ДНР)
E-mail: pragga2013@yandex.ua*STAGES OF ARRANGEMENT FOR A STUDENT POP ENSEMBLE ON THE EXAMPLE
OF G. GOODWIN'S COMPOSITION «PLAY THAT FUNKY MUSIC»*Michael Martynenko**Department of Theory of Musical variety art
Donetsk State Music Academy Named after S.S. Prokofiev
Ukraine, Donetsk city (DPR)*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена интересной в современном музыковедении проблеме переложения известной композиции Г. Гудвина «Play That Funky Music» на состав ансамбля. Автор затрагивает важный вопрос о выборе репертуара для Биг-бенда или эстрадного ансамбля. Уделено внимание алгоритму написания и основным парадигмам джазовой музыки. Также затронут вопрос о выборе типа джазовой импровизации. Существенный раздел отведен работе над аранжировкой и выбору инструментального состава.

ABSTRACT

The article is devoted to the interesting problem in modern musicology of the transposition of the famous composition by G. Goodwin "Play That Funky Music" for the big Big Band to the composition of the ensemble. The author raises an important question about choosing a repertoire for a Big Band or a pop ensemble. Attention is paid to the writing algorithm and the main paradigms of jazz music. The question of the choice of the type of jazz improvisation is also touched upon. An essential section is devoted to work on the arrangement and the choice of instrumental composition.

Ключевые слова: джаз, импровизация, оркестр, эстрадный ансамбль, аранжировка, Гордон Гудвин.

Keywords: art of jazz, orchestra, accompaniment, combo, big-band, individuality, G. Goodwins

Знакомство студентов эстрадного факультета с избранными образцами джазовой классики должно носить повседневный характер, чтобы обеспечить приобщение к эстрадно-джазовой музыке. Для этого лучше всего подойдет такая учебная дисциплина, как эстрадный ансамбль. В наше время благодаря интернет ресурсам не составит труда, найти большое количество аранжировок для различного состава. Но, зачастую, предлагаемые произведения, не всегда отвечают составу оркестра, либо не интересны студентам. Перед педагогом предстает выбор, с одной стороны – исполнить уже готовые джазовые произведения, либо аранжировать самому. Положительным фактором является знание состава оркестра, возможности коллектива либо эстрадного ансамбля.

Особое внимание стоит уделить выбору джазового стандарта, пригодного для аранжировки. Во-первых, необходимо начать знакомство студентов с истоков возникновения джаза. Предлагаемый перечень поможет ориентироваться в подборе репертуара: Композиции – «Tiger Rag», «In the Moon», «Meat Blues», «C Jam Blues», «Donna Lee», «Sing Sing Sing», «A Night in Tunisia», «Some Children See», «Backrow Politics» Г. Гудвина и др.

Данные примеры помогут в составлении репертуара и изучению партитур классических образцов джаза не только для оркестра, но и для ансамбля.

Как известно, базовыми инструментами джаза можно считать два сегмента джазового оркестра: Биг-Бэнд и духовой ансамбль с ритм-секцией.

Непременное условие джаза – это наличие исполнителя-импровизатора, способного владеть джазовой фразировкой и характерным джазовым ритмом. Поэтому выбор исполнителей может быть представлен на усмотрение аранжировщика.

Не стоит забывать, что еще одним из специфических особенностей джаза является респонсорная форма исполнительства. Данный «вопросно-ответный» принцип возможен в Биг-бенде повсеместно, так как идет соревновательность разных оркестровых групп.

Процесс гармонического преобразования лорнируем на примере известной композиции «Play That Funky Music» Gordon Goodwin Г. Гудвина. Его сочинения получили большую известность благодаря своему неординарному подходу в гармонии, аранжировке и яркому музыкальному материалу.

В своей оригинальной версии, данная композиция написана для состава Биг-бенда. Нам же необходимо преобразовать ее в состав для ансамбля: альт саксофон (соло), труба, альт и тенор саксофон, тромбон, баритон и ритм-секция.

Первоначально работа над композицией – может происходить по двум направлениям: классической (традиционной трактовкой) или новаторской. На примере данной композиции можно попытаться сделать несколько вариантов гармонизации:

- Стандартный вариант – взяв за основу уже готовый нотный текст
- Расширенный вариант – включает альтерацию аккордовых структур
- Сложный вариант – содержащий тритоновые и секундовые замены, блок-аккорды, «микстование» ладов.

Как было сказано ранее, стандартным вариантом пользуются достаточно часто, из-за достаточно быстрого выполнения аранжировки в кратчайшие сроки. Так как аранжировка данной композиции будет исполнена студенческим джазовым ансамблем, то на мой взгляд подойдет второй вариант. Как известно, гармония в джазе состоит из мажоро-минорной ладо-гармонической системы, характерной для европейской музыки XVII-XIX вв. Ее особая выразительность, определенная временем, во многом зависит от характерности звучания тех, либо иных аккордов, а также

в виде ее фактурного выбора. Приступая к работе, нельзя не коснуться важных составляющих функций джаза:

1. Сонористичность и красочность, возникшая благодаря многозвучности аккордов. Наличие диссонансирующих интервалов – секунд, септим, нон и тритонов привлекают слушательское внимание.

Но, не только особенностям ладовой гармонизации отдается первенство, зачастую круг выразительных возможностей джаза значительно расширяется благодаря ассимиляции ладо-интонационных систем других культур (негритянской, испано-латино-американской, (Чик Корея, Мишель Петруччани) армянской (Тигран Амясян), азербайджанской (Азиза Мустафа-заде) и др.

2. Полифункциональность – способе изложения аккордики и ее фактурного решения.

3. Гармоническая вертикаль, где решающую роль играет функциональная логика.

Обратимся к аранжировке инструментального произведения.

Несомненно, инструментальные композиции будь-то для оркестра или ансамбля, условно можно разделить на авторские (оригинальные) и аранжировку популярных мелодий. Довольно часто встречается авторский материал в виде табулатуры: темы и гармонии. При данных условиях, вся «тяжелая» работа по сочинению и аранжированию опускается на плечи аранжировщика. В нашем случае композицию Гордона Гудвина необходимо аранжировать для небольшого состава, учитывая их музыкальные возможности. В партитуре ансамбля важно распределить соло и оркестровое tutti, расположить кульминации в музыкальном материале между участниками, чтобы избежать тембрового однообразия.

Форма композиции «Play That Funky Music» двухчастная: A + B + A1

Так как форма пьесы авторская, нам необходимо изменить лишь некоторые детали. Вступление (16 тактов), затем тема у соло альт саксофона (8 т.) с цифры 2, повторяемая два раза под аккомпанемент ритм-секции.

В оригинальной версии данный аккорд исполняется медной группой, в комбо-составе данное полиаккордовое созвучие передается фортепиано.

PLAY THE FUNKY MUSIK

ARRANGED: GORDON GOODWIN / TRANSCRIPTS: MICHAEL MARTYNEK

Остальная группа включается со второго проведения темы. Эти короткие фразы, как «вопросно-ответный» принцип, подсказывает аранжировщику функцию соперничества между группой и солистом. Начиная с 37т. звучит четырехтактовая связка исполняемая группой без солиста. Данная модель используется в джазе достаточно часто, решая задачу перехода в другую тональность. Далее следуют 2 квадрата импровизации по заданной композитором гармонии. Выбор солиста в импровизации определяется наличием у студента навыков владения джазовой стилистикой и умением импровизировать.

Тема В начинается с 86 т., где в основном превалирует ритм-секция и гармоническое заполнение у фортепиано. Небольшая кода (106 т) возвращает нас к теме сочинения. Как и подобает данному жанру уже звучит весь ансамбль, подводя нас к кульминации. Солирующий инструмент звучит в экстремально высоком регистре, поддерживаемый контрапунктами баритона и тромбона. Варьированный материал из вступления воспринимается слушателем, как арка между музыкально насыщенными частями композиции и объединяет форму сочинения. Наличие родственных инструментов предполагает использование такого немаловажного приема как *хорус*:

Создавая аранжировку для любого состава, любой автор находится в творческом поиске в области новых тембров, формы и гармонического заполнения. Ведь, последние десятилетия осуществляются эксперименты в области гармонии, лада и формы.

На мой взгляд, на фоне бесконечного разнообразия и различной сложности джазового пространства приводят нас к поискам новых и всевозможных исключений, поражающих своей красотой и гармонией.

Список литературы:

1. Кинус Ю.Г. Импровизация и композиция в джазе. – Ростов-на-Дону, 2008. – 192 с.
2. Конен В.Д. Третий пласт: Новые массовые жанры в музыке XX века. – М., Музыка, 1994. – 160 с.
3. Стернс М. История джаза [пер. с англ. Ю. Верменича]. – Воронеж, 1968. – 608 с.
4. Бриль И.М. Практический курс джазовой импровизации. – М.: Советский композитор, 1982. – 112 с.
5. Гаранян Г. Аранжировка для эстрадных инструментальных и вокально-инструментальных ансамблей. – М.: Музыка, 1986. – 224 с.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.9-12

**МЕТОДЫ ЭРГОНОМИКИ И ГИГИЕНЫ ТРУДА В РАБОТЕ С ОСВЕЩЕНИЕМ
В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ***Носова Дарья Сергеевна**дизайнер интерьеров,**РФ, г. Тверь**E-mail: dn9622405040@yandex.ru***LIGHTING SCENARIOS IN RESIDENTIAL INTERIORS***Daria Nosova**interior designer,**Russia, Tver***АННОТАЦИЯ**

В статье рассматривается эргономика физической среды и гигиена труда, а также взятые из них методы, принципы, правила и показатели. Выбор автора упал именно на эти дисциплины в силу того, что главной своей целью они являют повышение комфорта человека. Цели дизайна во многом с ней совпадают, что делает обзор данных дисциплин полезным для начинающих дизайнеров. Также подобный взгляд может быть интересен и практикующим дизайнерам.

Также в статье раскрыты принципы и методы эргономики и гигиены труда применительно к освещению жилых интерьеров и особенности их интеграции в работу дизайнера. Кроме того, автор предлагает один из способов интеграции подходов, заимствованных из выбранных дисциплин, в процесс разработки дизайн-проекта и планировки размещения освещения. В основе этого способа лежит сценарный подход ко всему проектированию.

Результатом исследования являются разработанные рекомендации. Они включаются в уже существующие этапы создания проекта. Такой метод формулирования рекомендаций дает возможность не просто предоставить набор разрозненных приемов, но понятную последовательность действий. Можно сказать, что в данной статье особое внимание уделено прикладным свойствам рекомендаций.

ABSTRACT

The article discusses the ergonomics of the physical environment and occupational health, as well as the methods, principles, rules and indicators taken from them. The author's choice fell precisely on these disciplines due to the fact that their main goal is to increase human comfort. Design goals overlap in many ways, making an overview of these disciplines useful for budding designers. Also, such a view may be of interest to practicing designers.

The article also reveals the principles and methods of ergonomics and occupational health in relation to lighting and the features of their integration into the work of a designer. In addition, the author offers one way to integrate approaches borrowed from selected disciplines into the process of developing a design project and planning lighting placement. This method is based on a scenario-based approach to all design.

The results of the research are the developed recommendations. They are included in the already existing stages of project creation. This method of formulating recommendations makes it possible not only to provide a set of disparate techniques, but an understandable sequence of actions. We can say that in this article, special attention is paid to the applied properties of recommendations.

Ключевые слова: дизайн, дизайн-проект, интерьер, эргономика, эргономика физической среды, гигиена труда, освещенность, источники света, осветительные приборы, комфорт человека.

Keywords: design, design project, interior, ergonomics, ergonomics of the physical environment, occupational health, illumination, light sources, lighting devices, human comfort.

Введение

Важным элементом проекта интерьера жилого помещения является план искусственного освещения. Если естественное освещение является данностью, под которую по большей части нужно подстраи-

ваться, то искусственное освещение полностью подчинено решениям дизайнера. Однако, как и любым другим инструментом, находящимся в распоряжении дизайнера, им надо уметь правильно пользоваться.

Данная статья предлагает рассмотреть выбранную тему не только с точки зрения дизайна интерьеров, но и через призму вспомогательных дисциплин, в сферу интересов которых также входит искусственное освещение. Такими дисциплинами являются эргономика и гигиена условий труда.

Связующим звеном между дизайном и выбранными дисциплинами является не только тема освещения. Все перечисленные предметные области в конечном счете направлены на оптимизацию среды, окружающей человека в разных сценариях деятельности. Создание проекта интерьера жилого помещения также удовлетворяет потребность в оптимизации среды под те или иные функциональные требования. Таким образом, заимствование и использование ряда принципов и методов из указанных дисциплин положительно сказывается на результате работы дизайнера.

Гигиенические принципы освещения

Гигиена условий труда изучает условия труда и их влияние на состояние человека. Целью этой дисциплины является улучшение условий зрительной работы, снижение утомления зрительного аппарата, повышение производительности человека. Результатом работы специалистов данной области является ряд документов, на страницах которых изложены нормы и требования к освещению в промышленных помещениях [Р 2.2.2006-05 Гигиена труда. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда, с. 28].

Несмотря на то, что данные нормы разработаны для оснащения промышленных помещений, они также могут быть применимы и в ходе работы с жилыми интерьерами, поскольку данная дисциплина нацелена на улучшение условий труда. Это зачастую актуально и для жилых пространств в силу того, что любая деятельность человека может быть рассмотрена как форма труда.

В данной статье мы ограничимся обзором некоторых принципов, лежащих в основе указанных норм и расчетом освещенности помещения. Этого достаточно для проведения базового оценивания жилого помещения с гигиенической точки зрения.

Можно выделить несколько основных принципов:

- Достаточность
- Равномерность
- Близость к спектральному составу солнечного света
- Отсутствие ослепляющего действия
- Отсутствие блескости

Для оценки помещения на предмет достаточности запланированного освещения требуется рассчитать сам показатель освещенности по формуле $E = \Phi_{\text{сум}} / S$ (где $\Phi_{\text{сум}}$ – суммарный световой поток всех источников света в помещении, S – площадь помещения, E – освещенность помещения) и сравнить его с целевым значением. В зависимости от назначения помещения, целевое значение может меняться. В жилом помещении показатель может варьироваться от 30 до 200 для сценариев отдыха, от 200 до 500 для

повседневных сценариев, от 500 до 1000 для офисной и подобной ей работы.

Эргономические принципы освещения

В задачи эргономики входит проектирование и совершенствование процессов выполнения деятельности и условий, которые непосредственно влияют на эффективность и качество деятельности, психофизиологическое состояние человека [ГОСТ Р ИСО 26800-2013 Эргономика. Общие принципы и понятия, с. 3-5].

Для интеграции эргономического подхода в дизайнерское проектирование жилых помещений [Бударин Е.Л., Спарыкина Н.А. Особенности принципа эргономичности в архитектуре и дизайне современного жилища // Онтология проектирования, том 6, №2 (20), – 2016, с. 205] стоит совмещать три основных способа предотвращения принятия решений, приводящих к недостаточной эргономичности сценариев освещения: моделирование, планирование с учетом принципов и правил эргономики, а также получение дизайнерского опыта путем получения инсайтов от пользователей интерьеров.

Сценарное моделирование является самым надежным методом эргономики. Для удобства можно разложить его на несколько этапов:

1. Мысленное сценарное моделирование
2. Составление серии графических эскизов
3. Трехмерное сценарное моделирование при помощи вещественных или компьютерных макетов
4. Моделирование в действенном натуральном воспроизведении.

Однако, сценарное моделирование не приведет к желаемому результату, если при использовании этого метода дизайнер не опирается на принципы и правила эргономики, а также инсайты, полученные от пользователей других интерьеров.

Существует масса тонкостей, связанных с эргономикой освещения [Рунге В.Ф., Манусевич Ю.П. Эргономика в дизайне среды // изд. «Архитектура-С» – 2005, с. 31]. Далее приведены самые эффективные принципы и правила с точки зрения отношения затраченных для соблюдения их усилий к полученному результату:

- Соотношение цветовой температуры с целевой освещенностью помещения при задействовании того или иного светового сценария должно входить в комфортную зону (рис. 1).
- Выбор типа осветительного прибора [Гизитдинова Г.А. Эргономика светодиодного освещения, как пример гуманизации среды обитания человека // Уральский федеральный университет, – 2018, с. 63] и его расположения должен основываться на его роли в сценарии освещения [Калинина Н.И. Гигиенические аспекты применения современных источников света // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения, – 2018. – том 13, с. 803].
- Расположение осветительных приборов и направление исходящего от них света не должно допускать как прямое, так и отраженное попадание прямых световых лучей в глаз под углом менее 30°.

• Поверхность, освещенная прямыми лучами, не должна быть излишне блестящей, чтобы не перенапрягать зрительный аппарат и не вызывать чувство дезориентации.

Рисунок 1. Комфортное соотношение цветовой температуры и освещенности

Генерация инсайтов по работе с освещением, вопреки мнимой простоте, может потребовать массы усилий от дизайнера, поскольку целевой информацией в такой работе является не факт наличия дискомфорта пользователя в том или ином сценарии деятельности, но причина возникновения этого дискомфорта, которую не всегда удастся доподлинно выявить. Наглядной иллюстрацией описанной сложности может послужить пример с чтением книги под прямым освещением. Утомляемость зрительного аппарата при чтении книги в условиях, когда ее поверхность освещается прямым холодным светом, гораздо выше, чем в условиях теплого непрямого освещения. Причиной тому служит блескость бумаги. Эту причинно-следственную связь сложно было обнаружить, но, тем не менее, выявленный инсайт в будущем положительно скажется на качестве разработанных планировок освещения.

Рекомендации по работе с освещением на разных этапах проектирования помещений

На планировочном этапе выполняется обмер жилого пространства, анализ его особенностей, зонирование и разработка вариантов планировочного решения с расстановкой мебели [Смородина Е.И. Особенности разработки дизайн-проекта жилых помещений // *Инновации в науке*, №4 (65), – 2017, с. 17]. На данном этапе надо отталкиваться от сценариев использования помещения. Поэтому важно уделить должное внимание особенностям и привычкам заказчика. В дальнейшем это поможет принимать правильные решения в том числе и в вопросах освещения.

Список литературы:

1. Смородина Е.И. Особенности разработки дизайн-проекта жилых помещений // *Инновации в науке*, №4 (65), – 2017. – С. 17 – 18.

Стилевой этап включает в себя объемное моделирование помещений в компьютерной программе, разработку принципиальных вариантов художественного решения, детальную проработку утвержденного дизайна интерьера. На данном этапе осуществляется большая часть работы по планировке освещения. Освещение является немаловажным фактором, который повлияет на комфорт при использовании помещения. Но при подготовке стилового этапа проекта он не может быть системообразующим.

В первую очередь следует отталкиваться от пожеланий клиента. Затем стоит проработать такие важные детали, как общая стилистика и цветовая гамма. Перед тем, как продолжать планирование помещения, необходимо рассчитать планируемую освещенность помещения в разных сценариях, учитывая при этом назначение каждой зоны, и выбрать ряд визуальных эффектов, которые необходимо применить ввиду особенностей помещения. Далее разработка плана освещения должна вестись параллельно с планированием размещения декоративных элементов, выбором отделочных материалов и учетом уже существующих решений и ограничений. Тем не менее, освещение сильнее влияет на комфорт пользователя, чем декоративные элементы или отделочные материалы, поэтому компоновку, состоящую из решений по всем трем позициям, стоит отсекать в первую очередь по соответствию требованиям к освещению, описанным в данной статье. Таким образом мы получаем следующую последовательность действий:

1. Подбор комбинаций источников света их размещений, выполняющих поставленные дизайнерские задачи.
2. Оценка получившихся комбинаций на предмет соответствия их целевым показателям.
3. Исключение комбинаций, не удовлетворяющих целевым показателям, потенциально затрудняющие эффективную и безопасную деятельность в среде при ее эксплуатации или нарушающие гигиенические или эргономические принципы освещения.

Подбор осветительных приборов проще всего осуществлять под уже существующие источники света на согласованной компоновке. Однако, можно также отталкиваться от осветительных приборов и на этапе создания компоновок.

Заключение

Предложенные рекомендации способствуют интеграции гигиенического и эргономического подходов в планирование освещения. Изменяя подход к работе таким образом, дизайнер может существенно повысить качество жизни пользователя среды. Дополнительные усилия, приложенные к работе, оправдают себя спустя какое-то время, когда пользователь почувствует подлинную удовлетворенность работой дизайнера.

2. Калинина Н.И. Гигиенические аспекты применения современных источников света // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения, – 2018. – том 13 С. 803 – 811.
3. ГОСТ Р ИСО 26800-2013 Эргономика. Общие принципы и понятия
4. Р 2.2.2006-05 Гигиена труда. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда
5. Гизитдинова Г.А. Эргономика светодиодного освещения, как пример гуманизации среды обитания человека // Уральский федеральный университет, – 2018. – С. 61 – 65.
6. Рунге В.Ф., Манусевич Ю.П. Эргономика в дизайне среды // изд. «Архитектура-С»– 2005. – С. 31-40; 94 – 106.
7. Бударин Е.Л., Спарыкина Н.А. Особенности принципа эргономичности в архитектуре и дизайне современного жилища // Онтология проектирования, том 6, №2 (20), – 2016. – С. 205 – 215.

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.13-16

СПЕЦИФИКА МНОГОСТРАНИЧНОЙ ВЕРСТКИ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Рябова Ольга Анатольевна

ст. преп. кафедры социально-художественного образования
Сургутского государственного педагогического университета,
РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут
E-mail: o.riabovaolga@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF A MULTI-PAGE LAYOUT OF PRINTING PRODUCTS

Olga Ryabova

Senior Lecturer of Social and Artistic Education Chair,
Surgut State Pedagogical University,
Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Surgut

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются виды многостраничных изданий, особенности верстки каждого печатного продукта, специфика создания макета с применением модульной сетки. Показаны профессиональные компьютерные программы, в которых ведется работа, а также даны рекомендации поэтапного формирования структуры и образа полиграфического продукта.

ABSTRACT

The article deals with types of multi-page publications, the layout features of each printed product, the specificity of creating a draft using a modular grid. The professional computer programs in which the work is carried out are shown, as well as recommendations for the step-by-step formation of the structure and image of the printing product are presented.

Ключевые слова: дизайн, верстка, модульная сетка, полиграфия, макет, печатное издание.

Keywords: design; layout; modular grid; printing art; draft; publication

Что такое верстка в полиграфии – это составление дизайн-макета полос полиграфической продукции, визуально состоящих из информативного текста (формулы, таблицы), изображений (иллюстраций, фотографий, фирменной графики), сверстанных в единый полиграфический продукт. Качество оформления издания, его дизайн напрямую зависит от расположения и верстки всех элементов. На сегодняшний день существует множество различных видов изданий: буклеты, брошюры, газеты, журналы, каталоги, книги, которые могут варьироваться по объему в рамках своего стандарта.

До изобретения компьютеров верстка набора выполнялась вручную с помощью применения лино типа или моно типа с добавлением клише с изображением, весь наборный текст составлялся по отдельной букве, эти буквы выстраивались в слова которые оформлялись пробелами и формировались в предложения и общий текст с помощью вспомогательных инструментов. Все пробелы и отбивки с новой строки были без изображения, они позволяли сделать пустое пространство и собрать текст в зависимости от задумки и идеи автора набора.

В настоящее время развитие информационных технологий ушло вперед, что поспособствовало изобретению компьютеров, которые позволяют работать

над макетами в специальных программах. Эти программы учитывают все нюансы многостраничной верстки и позволяют за короткий срок выполнить окончательный макет издания, ранее же процесс набора мог затянуться на очень долгий срок, из-за трудоемкости и кропотливости ручного труда.

Работа над многостраничным изданием является сложным процессом, в котором нужно придерживаться определенных правил работы, которые позволят сделать полиграфический продукт целостным, полным с хорошей читабельностью, интересным и привлекательным в чем поможет грамотная верстка и дизайн оформление издания.

По типу выполнения верстка может быть журнальной, книжной, газетной, это зависит от текущего вида издания. У каждого из этих видов верстки есть своя определенная специфика. Журнальная верстка включает в себя много изображений, разного рода разделов с информацией, которые позволяют задать определенный живой ритм макету. Что касается книжной верстки здесь преобладает по своей массе текст, а не изображение, но общие принципы схожи с журнальной версткой. Газетная верстка довольно сильно отличается от предыдущих большим форматом который задает свою сетку и другие правила выполнения.

Правила вёрстки многостраничных печатных изданий

Прежде чем познакомиться с правилами верстки различных многостраничных изданий, нужно понять, что такое модульная сетка и модульная система верстки и для чего они нужны.

Модульная сетка состоит из модуля – определенного шага с повторяющимися размером или пропорциями, который наполняет структурный каркас (шаблон) всей модульной сетки. Модули в шаблоне могут быть разного размера для более удобной и вариативной верстки макета. Главной задачей сетки является выравнивание блоков текста и иллюстративного материала в соответствующий порядок. С целью формирования гибкого макета с сеткой и модулями внутри, особенно это актуально в журнальной и газетной верстке, нужно сделать подходящее число вертикальных колонок, чем их будет больше, тем верстать будет удобнее, разделить колонки направляющими горизонтальными линейками которые и сформируют при пересечении нужные размеры модулей (ячеек или клеток). При необходимости можно добавить вертикальные линейки для членения колонок, отступов между колонок и полей выходящие за пределы сетки. Гибкий макет с функциональной модульной сеткой позволяет верстать большое количество различной информации, иллюстративных и декоративных элементов.

Модульной системой верстки – является применение в верстке полос (страниц) полиграфических продуктов модульной сетки с определенным шагом (модулем).

Создание макета издания

1. Для верстки серьезного многополосного издания понадобятся специальные **профессиональные компьютерные программы** для верстки, раньше использовали в работе такие программы как: Adobe PageMaker, Ventura Publisher, QuarkXPress и Microsoft Publisher, в настоящее время в основном используют Adobe InDesign.

2. Следующим этапом идет **построение функциональной модульной сетки**, которая может меняться от выпуска в выпуск, у таких изданий как брошюра и буклет или оставаться постоянной на протяжении долгого периода времени в зависимости от концепции и идеи издания (газеты, журнала, каталога).

При формировании шаблона сетки, необходимо наличие одинаково равное число колонок на левой и правой полосе (странице), а строки текста должны располагаться в колонках параллельно друг другу, для их выравнивания по единой прямой используются направляющие линейки. Внутренняя часть разворота, именуемая средник заполняет не менее 12 пунктов на каждой полосе, так как эта часть уходит на корешок издания. Что же касается отступов по краям формата сверху, сбоку и внизу минимальный стандарт начинается так же от 12 пунктов, но может уменьшаться в зависимости от издания и концептуальной идеи, но надо помнить, чем меньше отступ,

тем больше вероятность угодить под обрез. Промежуток между колоннитулами и блоком текста в среднем имеет тот же отступ что и средник.

3. Титульный лист (шмуцтитул)

Первая страница в книге предвещающая текст книги (произведение). На титульном листе располагаются основные выходные сведения: фамилия и имя автора, название издания, место издания, название издательства и год. Шмуцтитул страница с названием разделов, глав или эпиграфов, как правило находится на правой печатной полосе (странице). Обычно титул и шмуцтитул верстается на нечетных полосах.

4. Висячие строки

В верстке «Висячая» строка – это конечная строка абзаца, которая обычно располагается вначале или в конце полосы (страницы) или колонки. Она получается, отделена и оторвана от своего абзаца, при «висячих» строках, верстка текста смотрится неаккуратно и неряшливо. Такие строки устраняют, используя прием вгонки и выгонки за счет уменьшения или увеличения меж буквенных пробелов.

5. Расстановка переносов

В классической вёрстке переносы не делают в словах, которые переходят с нечетной полосы на четную, в этом случае издание будет неудобно для чтения, читателю не нужно сталкиваться с вынужденным пролистыванием страницы для прочтения окончания слова. В верстке издания должны быть соблюдены все грамматические правила переносов, не допускаются переносы искажающие смысл слов, разделение переносами сокращений, набираемых прописными буквами, прописными с отдельными строчными (КЗоТ) и с цифрами.

6. Работа с иллюстрациями

Довольно часто для верстки не предоставляются иллюстрации и фотоматериал, либо заказчик передает их в низком качестве настаивая в их использовании в макете, в таких случаях следует найти решение, чтобы иллюстративный материал для серьезного издания были надлежащего качества, размера и необходимых технических параметров. Что касемо фотографии – воспользовавшись услугами профессионального фотографа и переснять материал. Не стоит тратить время на обработку низкого качества изображений, лишняя работа отнимет время от верстки основного макета.

7. Переплет издания

Особое внимание стоит уделить переплету (корешку), какой вид переплета планируется у будущего издания лучше знать в процессе вёрстки. Мягкий переплет в основном используется для брошюр, журналов и мягких книг, в первом случае издание сажается на скрепку или брошюруется пружиной, в других случаях макет сажается на клей и если требуется пробигован по линии корешка.

Твердый переплет представляет собой книжный блок, образованный посредством сгибания листов, которые были собраны тетрадками по восемь штук.

Затем данные тетрадки сшиваются нитью и подготавливаются под необходимый формат посредством обрезки. Далее книжный блок устанавливается в переплетенную крышку, которая представляет собой картонные листы, оклеенные ламинированной бумагой. Существуют еще такие переплеты как интегральный, полиграфическими винтами, посредством набивки на болты. Будущий переплет поможет правильно спланировать модульную сетку макета и заранее учесть все отступы и расстояния будущего издания.

8. Материальная сторона

Заказчик должен понимать качественная дизайн-верстка, напрямую влияет на расходы. Часто бывает ограниченный бюджет и при этом много текстового и иллюстративного материала, который должен по требованию клиента быть заверстан в определенное количество полос, это не всегда получается и не все может поместиться в макет. Бывают ситуации, когда материал начинает выходить за рамки, если заказчик не хочет нести издержки он может начать вмешиваться в процесс работы над макетом, после чего структура сетки и концепция издания может пострадать, в этом случае необходима золотая середина между заказчиком и дизайнером для согласования всех нюансов.

Вёрстка изданий

Буклет представляет собой вариант (вид) листовки, это лист бумаги сложенный определенным образом, может иметь от четырех и более страниц. Размещение и компоновка блоков текста и иллюстративного материала (фото, графика), имеет те же правила, как и у других видов полиграфии, разница только в том, что страницы буклета расположены по-другому, их последовательность зависит от типа сложения (фальцовки) с соблюдением последовательного расположения. Существует несколько классификаций фальцовки которые рассматриваются по числу сгибов. Рассмотрим основные способы компоновки разворотов: первый способ самый простой в один сгиб, подходит для буклетов инструкций или содержащих справочную информацию. Второй самый распространенный вариант фальцовки, является «евро буклет», складывание выполняется в два сгиба, стороны сгибаются вовнутрь. Следующий фальц, тоже часто встречающийся в три – четыре сгиба в «гармошку» при таком сложении все сгибы параллельны друг другу, подходит для размещения максимального количества информации. Такие фальцовки как «в намотку», «калиткой» и «перпендикулярная» встречаются реже, так как выходят дороже, но тоже используются в полиграфии. Верстка буклетов является не простым процессом работы, трудность заключается в том, чтобы разместить и компоновать как можно больше информации, при этом выглядеть компактным и гармоничным. Поэтому здесь очень важна высокопрофессиональная и качественная полиграфическая верстка.

Вёрстка брошюры

Брошюра – это печатное издание, относящееся уже к многостраничной полиграфии небольшого объема до сорока восьми страниц, к таким могут

относиться каталоги и журналы и некоторые книги. Принципы верстки у всех этих изданий одинаковые, отличительная черта это количество страниц. Технические требования брошюр зависят от типографий предлагающих свои полиграфические услуги, относительно этих требований и ведется верстка макетов брошюр. Такие же правила верстки используются и в журналах, только их объем является больше и издаются они периодически.

Верстка многостраничных (многополосных) изданий имеет существенные особенности, которые отличаются от верстки малой полиграфии визиток, листовок, флаеров. Заверствывание больших объемов информации должно происходить с соблюдением единого ритма и стилистического, графического единства издания, следование правилам и ограничением даст комфортное восприятие и читабельность текста, обеспечивая качество издаваемого продукта. Каждый специалист знает эти правила и законы верстки, желательно заказчика тоже посвящать в нюансы работы, клиент должен понимать финальный макет и его ценовую политику.

Вёрстка газеты

Газета выпускается в сжатые сроки, так как это периодическое издание. Для того чтобы верстка была грамотной необходимо учитывать определенные правила, а именно формировать макет строго по сетке, особое внимание нужно уделить размещению и компоновке всего материала на полосе, акценты на информации темах и разделах. Макет должен быть цельным, структурированным и выполняться в едином визуально-графическом стиле, от этого зависит восприятие всего полиграфического продукта, достигается это с помощью разбивки на основной и дополнительный текст разделов номера, шрифтовых гарнитур, кегля, выделения заголовков, иллюстрирование материала фотографиями. Кроме черно-белого варианта газет, занимающих большую часть, есть и реализованные макеты в цвете, специфика дизайн-верстки полос в цвете добавляет свои нюансы восприятия, которые тоже необходимо учитывать.

Соблюдение стандартных правил газетной верстки позволяет привлечь внимание читателя к основным разделам и темам, включая рекламную информацию. Верстка номера газеты в специализированном графическом редакторе Adobe InDesign учитывает формат издания, размещения и коррекция сетки в макете, наличие колонок одинаковой длины, направляющих горизонтальных и вертикальных линеек, использование шаблона для дизайна всех полос номера.

Вёрстка журнал

Журнал является многостраничным периодическим изданием, включающим большое количество полос (страниц), которые предполагают наличие различных разделов, которые в свою очередь являются постоянными во всех номерах журнала. Верстка журнала выполняется с большим количеством иллюстративного фотоматериала, актуальных тематических блоков текста разделов, новостей, репортажей, биографий, различных данных в виде графиков, анкет, опросов, рекламной информации.

Важную роль в журнале играет обложка, ее разработке уделяется большое внимание, так как она влияет на привлечение целевой аудитории и конкурентоспособность. Её дизайн должен иметь свой фирменный подход позволяющий увеличить узнаваемость печатного издания и его бренд. Обложка каждого номера должна быть по своему оригинальной и креативной, раскрывать содержимое главных рубрик и разделов способствовать привлекательности и продажам всего тиража. От реализации идеи и грамотной верстки зависит оригинальность реализуемого макета.

Дизайн и верстка выполняется с учетом основной темы журнала, заложенной во всю структуру макета, которая входит в определенную категорию. Существуют такие категории как журналы по искусству, дизайну, научные журналы, деловые журналы, журналы по истории, политике, космосу и так далее. Особенности компоновки журнала предусматривают вначале работу над содержанием и наполнением разделов и тем, затем верстку модульной сетки с учетом приоритета информации в полосах их последовательность, разделение на основные блоки текста, заголовки, сноски с учетом имеющихся рубрик. В связи с тем, что журнал является периодическим изданием, формируется единая, гибкая модульная сетка, которая позволяет выполнять различные варианты верстки в рамках общей структуры и дизайна.

Вёрстка книги

К процессу верстки книги приступают после того как сформирована концептуальная идея и структура

издания, ее дизайн, общий вид и основные элементы, дизайнер должен понимать и представлять какой полиграфический продукт он получит в результате, при этом макет должен не только соответствовать всем правилам верстки но и удовлетворять требования заказчика.

На начальном этапе весь текст книги собирается и корректируется в офисном редакторе Microsoft Word, иллюстративный материал редактируется в графическом редакторе Adobe Photoshop и готовится для верстки. После подготовки материала начинается работа над форматом и модульной сеткой макета книги, её визуально-графическим стилем и структурой. В макете при компоновке и размещении блоков текста и иллюстративного материала нужно принимать во внимание пластический ритм всего издания, обращать внимание на начало произведения, его кульминационные моменты и завершение, это поможет для грамотного расположения иллюстраций и проставления нужных акцентов в книге. Немало важную роль в многостраничном издании играет шрифтовая гарнитура, которой набран текст, её начертания, размер (кегель), правильно подобранный шрифт придаст изданию нужный образ.

Соблюдение всех выше указанных правил верстки придаст книге завершенность всех элементов, от которых будет зависеть хорошая удобочитаемость большого массива текста, быстрое усваивание заложенной в нем информации и эстетическое удовольствие от самого издания.

Список литературы:

1. Чихольд Я. Новая типографика: руководство для современного дизайнера / Ян Чихольд; [пер. с нем. Л. Якубсона]. – 5-е изд., – Москва: Студии Артемия Лебедева, 2020. – 130, с.
2. Робертс Л. Сетки. Креативные решения для графических дизайнеров (+CD)" / Люсьен Робертс; [пер. с англ. С. Гилим]. – 1-е изд., – Москва: РИП-Холдинг., 2009. – 224 с.
3. Дэбнер Д. Школа графического дизайна: руководство для дизайнера / Дэвид Дэбнер; [пер. с англ. В.Е. Бельченко]. – 1-е изд., – Москва: РИПОЛ классик., 2009. – 192 с.
4. Королькова А. Живая типографика: учеб. пособие для студентов графического и книжного дизайна / А. Королькова. – 4-е изд., исправленное – Москва: IndexMarket., 2012. – 224 с.
5. Эванс П. Форма Фальц Формат: сборник / Поппи Эванс. – 1-е изд., – Москва: РИП-Холдинг., 2005. – 264 с.
6. Мюллер- выставок / Йозеф Мюллер-Брокманн; [пер. с нем. Л. Якубсона]. – Москва: Студии Артемия Лебедева., 2014. – 184 с. Брокманн Й. Модульные системы в графическом дизайне. Пособие для графиков, типографов и оформителей.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ**

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.17-22

**ПРАЗДНИК ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ «ВОРОНИЙ ДЕНЬ»:
 ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ
 НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ**
Кузнецова Анастасия Михайловна

преподаватель Тюменского государственного института культуры,
 Кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников
 РФ, г. Тюмень

E-mail: anastasia-naida@mail.ru
**THE FINNO-UGRIC PEOPLES 'HOLIDAY "THE CROW'S DAY":
 REASONS FOR TRANSFORMATION AND WAYS TO PRESERVE NATIONAL IDENTITY**
Anastasia Kuznetsova

Lecturer of Tyumen State Institute of Culture,
 Directing Theatrical Performances and Holidays Chair,
 Russia, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрен процесс трансформации национального праздника в структуре современного городского праздничного календаря. В ходе анализа периодической литературы, автор определяет первопричины данного явления и предлагает пути решения поставленного вопроса, для исключения искажения цели праздника и закрепления его в исконном виде среди широких масс населения.

Материал адресован специалистам направления режиссуры театрализованных представлений и праздников, культурологам, социологам, а также всем, кто интересуется проведением праздников.

ABSTRACT

The article deals with the process of transformation of the national holiday in the structure of the modern city holiday calendar. In the course of the analysis of the periodical literature, the author identifies the original causes of this phenomenon and offers ways to solve the problem, to avoid distortion of the purpose of the holiday and to consolidate it in its original form among the broad masses of the population.

The material is addressed to specialists in the direction of directing theatrical performances and holidays, cultural scientists, sociologists, as well as anyone interested in holding holidays.

Ключевые слова: праздник, национальный праздник, городской праздник, Малочисленные народы Севера, финно-угры, «Вороний день», медвежий праздник, трансформация культуры, современная праздничная культура, традиции, обычаи, обряды, учреждения культуры, краеведческий материал, режиссура театрализованных представлений и праздников, Тюменская область.

Keywords: holiday; national holiday; city holiday; low-numbered peoples of the North; the Finno-Ugric peoples; "the Crow's Day"; bear holiday; transformation of culture; modern holiday culture; traditions; customs; rituals; cultural institutions; local history material; directing of theatrical performances and holidays; Tyumen Region.

На территории Российской Федерации проживает более 190 национальностей, среди которых есть группа имеющая особый статус – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС), отличающихся многообразием

праздников, традиций и обрядов. К коренным малочисленным народам Севера относятся: ханты, манси, ненцы, эвенки, и др., в Тюменской области проживают представители 26 национальностей КМНС. Культура этих народов соткана из единства фольклора и этнографии, мифологии и религии,

Библиографическое описание: Кузнецова А.М. Праздник финно-угорских народов «Вороний день»: причины трансформации и способы сохранения национальной самобытности // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2021. 4(82). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/11515> (дата обращения: 21.04.2021).

словесных и не словесных текстов имеющие, в том числе религиозное начало [3]. Основой же религиозных воззрений финно-угров и самодийцев с древнейших времен является анимизм – обожествление природных явлений и естественных объектов, поклонение им. Сверхъестественные существа выступают в качестве фольклорных персонажей, являющихся частью легенд, мифов, сказок, и, в последствии, являются неотъемлемой частью праздничных и обрядовых действ. Одной из центральных фигур в культуре финно-угров и самодийцев являются Шаманы, среди которых есть исполнители эпосов, сказочники, сновидцы-предсказатели и т. д. .

В событийный календарь Тюменской области входят праздники всех народов, проживающих на ее территории, в том числе и коренных малочисленных народов Севера, таких как праздник оленевода, «Тылащ поры» («Нарождение луны»), медвежий праздник и др., а одним из самых значимых праздников у ханты и манси является праздник «Вороний день».

Процесс интеграции Малочисленных народов Севера в общероссийскую культуру, привнес ряд изменений в организацию и проведение мероприятий. Сегодня учредителями праздника являются не только национальные общины, но и профессиональные режиссеры, перед которыми стоит цель сохранения и трансляция национальной культуры, посредством массовых представлений.

Приступая к разработке сценария праздника перед режиссером стоит ряд профессиональных задач: это осведомленность постановщика о специфике мировоззрения народа и философии праздника, его семантике и семиотике; наличие знаний об особенностях драматургии и композиционного построения праздника, а также материальной и нематериальной культур и т. д. Следовательно, приступая к работе с этническим и краеведческим материалом, режиссер должен быть компетентен в специфических особенностях предстоящего события, для исключения его искажения в процессе организации и проведения массовых действ.

Между тем, при реализации праздников на основе этнического и краеведческого материала, зачастую постановщики пренебрегают предъявленными требованиями, причиной тому является:

- *Издания этнической художественной литературы, тиражируемые в малых объемах и ее отсутствие в общем доступе в сети-интернет*, не могут удовлетворить растущие запросы специалистов в сфере культуры и искусства. Вследствие чего режиссеры прибегают к использованию общедоступных ресурсов в виде статей, выдержки из СМИ и др.), где особенности праздничного действия описаны фрагментарно.

- *Интуитивный подбор музыкального оформления*. Так, вместо мелодий финно-угорских народов, зачастую используются тюркские композиции, или композиции иных народов, которые, на взгляд обывателя могут показаться схожими по своему звучанию. Помимо незнания национальной музыки, второй причиной является отсутствие музыкальных

композиций в хорошем качестве, что подталкивает режиссера на художественно-выразительные «жесты».

- *Проведение мероприятий в сжатые сроки*. Время работы над реализацией мероприятия неразрывно связано с его масштабом. Одной из распространенных причин искажения праздника является отсутствие времени на познание этнокультурной традиции в историко-временной вертикали, что приводит к использованию символов и орнаментов добрососедских народов, подмена функционала героев и т. д., что свидетельствует о некомпетентности режиссера в культуре того или иного народа.

Все эти причины, с одной стороны, не оправдывают постановщика, ведь это приводит к трансформации праздников и его трансляции среди широких масс населения не корректной форме, в следствии закрепления его с информационной ошибкой на информационных площадках. С другой стороны, причины об общедоступности краеведческого материала являются ключевыми в постановке данного вопроса.

Следует отметить, что каждый праздник имеет свой набор сакральных символов, строгий регламент обрядовых действ, многообразие мифологический героев, ряд из которых, с первого взгляда, могут казаться едиными по своему смыслу и значению, что не всегда является верным. Так, например, в народных представлениях Ворон имеет двойственное символическое значение. С одной стороны, ему присвоен демонический характер, птица приносящая несчастье, непослушный помощник бога-творца, является посредником между мирами живых и мертвых. С другой стороны, образ Ворона является олицетворением мудрости. О Вороне и его сущности созданы фундаментальные труды Н.Ф. Сумцова «Ворон в народной словесности» (1890), Е.М. Мелетинского «Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера» (1959).

Между тем, в мифологии народов Севера присутствует образ как Ворона, так и Вороны которые упоминаются в таких произведениях как : «Священное сказание о возникновении земли, «Как Ворон землю мерял» (Мансийская сказка), «Ворон и лебедь» (Долганская сказка), «Ворон и Солнце» (корякская сказка), «Три брата», «Как Эква-пырьсь на охоту ходил», «Сказание о походе Богатыря Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашнего друга» и др.. В действительности, Ворон и Ворона – разные птицы. Несмотря на то, что у Ворона больше мифологических черт, чем у Вороны, именно Ворона является главным героем легенды праздника «Вороний день».

Этот этнический праздник вошел в городской календарь мероприятий г. Ханты-Мансийска (в городской праздничный календарь) на основании принятого закона «О празднике и памятной дате ХМАО-Югры от 29 апреля 2011г. № 26» [10]. Согласно периодической литературе, фиксирующей факт проведения мероприятия, сам праздник представляет собой встречу весны, предвестником которой является серая ворона. Именно эта птица первой прилетает с юга в северные края. Также, данный праздник представляет

собой транслирование этнокультурных и семейных ценностей, способствующий формированию духовно-нравственной культуры, выполняет воспитательные задачи, транслируемые в самой легенде о Вороне, которая на современном этапе претерпела значительные изменения.

Чтобы определить, первопричины трансформации легенды праздника «Вороний день» и особенности композиционного построения данного праздника, его сущности, необходимо обратиться к первоисточникам. В процессе поиска сведений об особенностях празднования этого события, не удалось найти полного его описания, его суть упоминается лишь и фрагментарно, описаны обрядовые действия, совершаемые в этот день. Одной из причин является отсутствие письменности и литературного языка КМНС до 1930 гг. и отсутствия единого литературного языка, что объясняет некие различия при записи художественного материала, который базируется на разных диалектах.

Для создания полного представления о праздновании данного праздника и его трансформации, мы проанализировали как научную литературу, так и периодические издания с 1992 по 2016 гг.

Так, например, в этнографическом альбоме «Народы западной Сибири» Соколовой З.П., автор отмечает принадлежность Вороньего дня к женским праздникам, а саму птицу покровительницей детей и женщин, поэтому праздник являлся семейным [27, с. 87]. По преданиям ханты и манси, ворона радуется рождению ребенка. В дар тотемному животному на окраине деревни ставили стол с жертвоприношениями в виде чая, от которого шел пар. Конкретной даты празднования не было до принятия закона. До этого дату праздника определял сам «прилет птицы».

Для проведения исследования на выявление особенностей празднования Вороньего дня на территории Тюменской области и в частности Ханты-Мансийского округа – Югры – исконного места проживания малочисленных народов Севера, с целью воссоздания полной картины праздничных действий, потребовалось обратиться к архивам городской общественно-политической газеты «Самарово. Ханты-Мансийск» с 1992 года по 2016 гг.

Необходимо сказать о том, что изначально праздник проходил исключительно в этническом обществе, нося сакральный характер. Объяснением тому является государственный запрет на проведение многих хантыйских и мансийских праздников, вплоть до 80-х гг.

В 1992 году Вороний праздник впервые был проведен на широкую публику, на территории Березовского района, об этом свидетельствует статья А. Белого «Черный ворон, вейся...». Весь праздник состоял из двух частей: театрализованное представление на хантыйском языке и спортивные состязания [2, с. 3]. Участники праздника были одеты исключительно в национальные костюмы. В зале клуба, вместо зрительных кресел, были накрыты столы, за которыми располагались гости праздника. А. Белый подмечает особенности рассадки гостей:

«В левом углу за столами сидело старшее поколение, а в правом – представители среднего возраста и молодежь». Режиссерской идеей стало создание теплой, «семейной» атмосферы. Тем временем, на сцене появлялся актер в берестяной маске, приветствуя гостей и распевая песню о прилете вороны и созывая всех начинать праздновать. Далее показана сцена «предпраздничные хлопоты»: имитация обработки шкур пушного зверя, сбор ягод, ловля рыбы, иными словами – подготовка села к празднику. В финале представления прозвучала импровизационная песня о жизни села. Вторая часть прошла под эгидой спортивных состязаний: прыжки через нарты; выжимание гири; гонки на лошадях. В таком виде впервые заявил о себе праздник Вороний день [2, с. 11].

Следующее упоминание о празднике датируется 1998 годом. В статье Т. Воинского «Вороний день – весне дорогу!» автору удалось взять интервью у ведущего специалиста по делам национальностей Г. Проскурякова, который приоткрывает занавес ушедшей истории праздника [6].

К прилету Вороны каждая семья собирала древесную стружку из люлек младенцев, и выносила ее на окраину деревни. Складывали стружку в кучки вокруг пня. Считалось, что только что прилетевшая с юга ворона отогревает свои лапки именно в стружке и приговаривает: «Побольше бы таких детей «приходило», чтобы было мне, где лапки свои погреть. Долгоживущие девочки пусть родятся! Долгоживущие мальчики пусть родятся!» [6, с. 8]. Эти слова Вороньей песни записаны на реке Северная Сосьва и сейчас активно применяются в празднике нового времени. Праздник 1998 г. прошел в городе Тюмень на территории археологического музея-заповедника в месте стоябища аборигенов на берегу Андреевского озера. Это место считается священным, поэтому выбрано для проведения культового праздника и полностью себя оправдывает. Фольклорно-концертная программа состояла из ритуальных танцев – подражание птицам, чтения стихов на хантыйском языке и рассказывания легенд о Вороньем дне. Не обошлось и без обрядовой пищи, приготовленной на ритуальном костре – каши саламат. В ритуальные действия вошло украшение дерева кулечками с конфетами и печеньем, как дар для «южной гостьи». Закончился праздник проведением национальных состязаний и игр.

Как мы видим, за шесть лет, праздник приобрел «форму», стала восстанавливаться логическая цепочка действий. По описанию из периодических изданий мы приходим к выводу, что этническая программа праздника наполнена элементами театрализованных обрядов. Но стоит отметить, что праздник был организован исключительно для малочисленных народов Севера. Этот феномен также нашел свое объяснение в статье А. Белого: «любая малая народность под угрозой ассимиляции вынуждена спланиваться, в какой-то мере самоизолироваться, чтобы сохранить свой этнос» [2, с. 3].

К началу 2000 гг. наблюдается динамика и появление интереса у организаторов к фольклорному празднику. Это можно заметить по появлению «нововведений»: фотозона (фото с оленьей упряжкой),

торговые и выставочные ряды, конкурс «Строительство гнезда», инсценировка легенды о сотворении Земли (сказ о том, как ворона серой стала) [29]. Но вся программа так и не воплотилась в театрализованное действие.

Только в 2008 году авторами А.К. Матюковой и Е.А. Иваненко была предпринята попытка создания новой сказки о Вороне на основе легенд и сказок ханты и манси [9]. Авторы умело совместили знания о вороньем празднике и добавили в него фольклорные этюды, высмеивающие зависть, лень и другие человеческие пороки, которые исполняются на медвежьем празднике. Действующими лицами стали: сказочник – рассказчик, богатырь – главенствующий в поселении и девушка-птица. И три пары персонажей, разыгрывающие сцены из жизни этноса с вышеупомянутыми человеческими пороками и их проявлениями. Следует обратить внимание, что исчезла обрядово-игровая часть с дарованиями Вороне. Угощения, игры и выставки – приобрели традиционный характер и организуются от праздника к празднику. В 2010 году стали чествовать семьи, в которых в течение года появились новорожденные. Произошла интерпретация (или действенная трансформация) песни Вороны о «рождении деток» в отдельное мероприятие.

В 2011 г. этнический праздник «Вороний день» приобрел статус общегородского и стал отмечаться ежегодно во вторую субботу апреля. Толчком к такому решению стало принятие закона «о празднике и памятной дате Ханты-Мансийского автономного округа-Югры». В законе прописаны мероприятия, посвященные этому событию: разработка тематических планов и программ проведения мероприятий под эгидой правительства Югры [11].

В общеобразовательных учреждениях появились классные часы, где юным ханты-мансийцам рассказывают о фауне города, организуются конкурсные программы для детей на базе школ (конкурсы рисунков, поделок, стихов). Юного зрителя готовят к восприятию самобытной культуры ханты и манси со школьной скамьи. В библиотеках стали проходить тематические выставки. Городской праздник постепенно вбирал в себя самобытную культуру малочисленных народов.

Праздник 2016 года прошел в городском парке отдыха. За 24 года программа приобрела «традиционный характер» с устоявшимися праздничными формами и развлекательными площадками, описанными выше [30].

Начиная с 2017 по 2020 традиционную программу дополняют творческие конкурсы, например, на лучший вороний костюм, исполнение сказок на народном языке и др.

Не сложно заметить, что празднование «Вороньего дня» объединяет ряд характерных особенностей, они отмечены в труде Н.И. Новикова «Празднично-обрядовая деятельность как этнографический источник (1990 г.) (к проблеме этнокультурных контактов Обских угров)»: весеннее время проведения; особая роль женщин и детей; использование птичьих атрибутов; жертвоприношения в виде лоскутков ткани

и сладостей; некоторые виды обрядовой пищи; функциональное значение (переход от зимы к весне).

Для воссоздания целостной картины праздника было проведено интервьюирование с заслуженным работником культуры Российской Федерации, членом Международного общества финно-угорских писателей и Союза писателей России, поэтессой, сказительницей, почетным жителем города Ханты-Мансийска Марией Кузьминичной Вагатовой (Волдиной).

На вопрос «Почему именно Вороний праздник стал общегородским?», Мария Кузьминична ответила, что культура народов Севера сохранилась благодаря устному фольклору, еще не всецело зафиксированному в научной литературе. Вороний праздник один из сохранившихся и дошедших до современности. Сегодня этот праздник приурочен ко дню встречи весны, приписывая птице роль предвестницы. Несмотря на то, что ворона, действительно, одна из первых прилетает в северные края, это не дает ей исключительный титул символа весны. Образ вороны закреплен за этнической легендой, которую, к сожалению, не знают учредители праздника либо упускают при реализации мероприятия. Прожив все детство в стойбище, М.К. Волдина сохранила в своей памяти полную легенду о Вороне: «Жила-была одна молодая семья с ребятами. Муж был настоящим охотником, а жена невестой хозяйкой да красавицей, сама была красива и детей к красоте приучала. Вкусно готовила, чум в порядке и чистоте держала, а духовный мир вовсе не принимала всерьез.

В чуме особые правила поведения для детей: пояс отца и вещи взрослых трогать нельзя. Через «спину огня», находившуюся в середине дома, бегать не разрешается, это место подобно алтарю в церкви. Так как мама все разрешала, дети то у огня пробегут, то пояс отца возьмут для игры. Взрослые люди, увидев это, были возмущены и стали делать замечания ребятишкам. Но в ответ, дети продолжали вести себя не подобающе, ведь мама говорила, что в своем доме они могут трогать и брать, все что захотят.

Как-то вышли дети на улицу, а соседи, показывая на солнце, говорят детям поклониться ему, ведь Солнце – мать всего живого, его почитать нужно. А молодая мать снова стала противоречить семейству и приказала детям не кланяться солнцу, потому что его и так всем видно, а светит оно каждый день.

Долго думая, семья приняла сложное решение. Несмотря на то, что она хозяйка и мастерица, и любящая мать, а бездуховно жить нельзя. В знак наказания выставили молодую красавицу-жену из семьи. Стало холодать, чтобы не замерзнуть, она перескакивала с одной ноги на другую и... превратилась в серую ворону! С наступлением зимы все птицы стали улетать на юг, а она самая последняя улетела вслед за ними. А весной самая первая возвращалась и летела поближе к семьям, и так происходило и происходит из года в год.

Заметили это люди и к прилету Вороны готовили березовую стружку, складывая ее у сухого дерева или пня, чтобы птица могла согреть свои лапки и приговаривали: «Она же мать, не забыла. Другие птицы сюда не летят, а она каждый год прилетает».

Зная о ее таланте приготовления пищи и любви к украшениям, для нее готовили угощения, готовили подарки. А чтобы она поняла, за что была изгнана из семьи, поют для нее духовные песни, устраивают пляски. Слушая это, Ворона начинает петь в ответ, о том, что совсем не обижается и поняла свою ошибку. Ведь духовный мир нужно ценить, как и материальный».

Основываясь на анализе периодической печати, не сложно заметить, что эта легенда утратила свое начало и повествуется только выборочно. Часть истории рассыпалась в веках, а часть истолкована современностью в иных красках. Именно поэтому современный праздник «Вороний день» проходит не под лозунгом любви и семьи, а под эгидой встречи весны.

М.К. Волдина прокомментировала это так: «Молодые ученые, оторвавшись от народной среды, исказили истинную легенду о Вороне». Но этот диссонанс, по мнению сказительницы, в информационных волнах произошел не только из-за некорректной записи. Как уже упоминалось выше – финно-угорская культура продолжает свое существование благодаря устному народному творчеству, в связи с этим, легенда не сохранилась в первоначальном виде, и мы являемся свидетелями «растворения» культуры в ее историческом развитии. Ученые, являясь посредниками между этнической группой и современным

социумом, сохранили осколки народной памяти, собранные на территориях обитания стойбищ.

Таким образом, для исключения искажения истинного значения праздника режиссеру необходимо:

- Проконсультироваться с представителями национально-культурных объединений о проведении того или иного праздника/ обрядового действия с учетом этических и эстетических норм;
- При написании сценария использовать преимущественно национальную / региональную литературу акцентируя внимание на лексико-грамматические и фонетические особенности диалекта;
- Владеть методами работы с учреждениями культуры, фондами архивов и музеев, с краеведческими материалами для написания уникального сценария.
- Найти способы создания сценических образов, основываясь на совокупности народных традиций праздника и интеграции видов и жанров народного творчества, без потери его смыслового зерна и т. д.

Именно такой подход будет способствовать сохранению и возрождению духовных традиций народа, его приобщению к истокам народной культуры и не позволит раствориться национальной самобытности коренных малочисленных народов Севера в веках.

Список литературы:

1. Анадеева Н. К нам ворона весну принесла / Н. Анадеева // Новости Югры. – 2010. – N 56 (15 апр.). – С. 14.
2. Белый А. Черный ворон, вейся...: (заметки постороннего) / А. Белый; ред. Н. Нагуманов // Жизнь Югры. – 1992. – № 37-38 (11 стр.). – С.1, 3, 6.
3. Булгакова Т.Д., Гашилова Л.Б. Фольклор народов Севера. Методическое пособие. – СПб: ЛЕМА, 2010. – 43 с.
4. Васильев В.И. Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири / В.И. Васильев, А.В. Головнев // Духовная культура народов Сибири. – 1980. – С. 33-41.
5. Воинский Т. Вороний день – весне дорогу ! / Т. Воинский; фот. Б. Смилян // Тюменские известия . – 1998. – 9 апр.
6. Вороний день // Северные просторы. – 1995 . - № 2/3 (7 апр.). – С. 53-55.
7. Гемуев И.Н., Салагаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Н., 1989. – 175 с.
8. День Ворона! Национальный праздник в Варьегане // Варьеганский вестник. – 1999. – 22 апр.
9. День вороны / Департамент по вопр. Малочисл. Народов Севера Ханты-Манс. Авт. Окр. – Югры, Учреждение Ханты-Манс. Авт. Окр-Югры музей под открытым небом «Торум Маа»; Сценарий. [авт. Текста: А.К. Матюков, Е.А. Иваненко]. – Екб: Баско, 2008. – 20с.
10. Закон Ханты-Мансийского автономного округа - Югры № N 26-оз от 29.04.2011. / Официальный сайт коренных народов Севера/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kmns.admhmao.ru/dokumenty/hmao/300560/> (дата обращения: 22.03.2021).
11. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о фольклоре коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории Ханты-мансийского автономного округа – Югры № 37-оз от 17.06.2003. / Официальный сайт коренных малочисленных народов Севера ХМАО-Югры / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kmns.admhmao.ru/dokumenty/hmao/300575/> (дата обращения: 22.03.2021).
12. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Т., 1984. – 192 с.
13. Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. Т. 2. / Под ред. С.А. Токарева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1992. – С. 58–65.
14. Матюкова А.К., Иваненко Е.А. Сценарий праздника День Вороны: сценарий / А.К. Матюкова, Е.А. Иваненко. 2008. – 20 с.
15. Мелетинский Е.М. Сказание о Вороне у народов Крайнего Севера. – М., 1959. – С. 39-54.
16. Мелетинский Е.М. Ворон. Энциклопедия: Мифы народов мира - Т. 1. / Под ред. Токарева С.А. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – С. 245-247.

17. Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 634–635.
18. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 2012. – 408 с.
19. Мизов, Н.О. Праздник как общественное явление. – София, 1966. – 124 с.
20. Мифтахова Р. Вороны прилетели – скоро весна! / Р.Мифтахова // Покачевский вестник. – 2004. № 18 (30 апреля). – С. 4.
21. Мифы, предания и сказки хантов и манси. / Сост., пред. И прим. Н.В. Лукиной. – М.: Наука 1990. – 567 с.
22. Николаева, С. Будем читать. Глядишь, и кризис пройдет.../ С. Николаева // Северный комсомолец. – 2009. – № 13. – С. 9.
23. Новикова Н.И. Празднично-обрядовая деятельность как этнографический источник (к проблеме этнокультурных контактов обских угров) // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. Вып. 2 / Н.И. Новикова. – М.: 1990. – С. 93 – 105.
24. Праздник вороны, символ весны // Местное время. – 1998. – 22 апр. – С. 3.
25. Сказки народов Сибири / сост. Г.А. Смирнова, О.В. Мязина, Г.И. Щитникова. – Красноярск: Витал, 1992. – 208 с.
26. Соколова З.П. Музыка в обрядовой деятельности финно-угров / З.П. Соколова. – Таллинн. – 1986. – 170 с.
27. Соколова З.П. Народы западной Сибири: Этнографический альбом РАН. / З.П. Соколова. – М.: Наука, 2007. – 342 с.
28. Тимканова В. Первая вестница весны на Севере / В.Тимканова // Октябрьские вести. – 2012. N 28 (12 апр.). – С. 14
29. Управление общественных связей Администрации Ханты-Мансийска / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://hm.4geo.ru/news/show/2012/8/24/16meropriyatiyvugre> (дата обращения: 25.03.2021).
30. Ханты-Мансийск / - Официальный информационный портал местного самоуправления / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://admhmansy.ru/> (20.03.2021).
31. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований / В.Н. Чернецов. – М., 1959. – С. 114-156.
32. Электронная городская газета Новости Югры / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ugra-news.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СИНТЕЗ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ПРЕДСИМВОЛИСТОВ*Ивашина Виктория Валерьевна**ст. преподаватель,
Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева,
РФ, г. Орел
E-mail: info@oreluniver.ru*SYNTHESIS OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL CONCEPTS IN THE WORKS
OF THE POETS-PRE-SYMBOLISTS*Victoria Ivashina**Senior Lecturer,
Orel State University named after I.S. Turgenev,
Russia, Orel*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимодействие религиозно-философских концепций в творчестве избранных поэтов рубежа XIX-XX вв., демонстрируется синтез различных религиозных традиций и новаторских философских экспериментов модернистов.

ABSTRACT

The article discusses the interaction of religious and philosophical concepts in the works of selected poets of the turn of the XIX-XX centuries, demonstrates the synthesis of various religious traditions and innovative philosophical experiments of modernists.

Ключевые слова: религия; философия; поэты-предсимволисты; модернизм; баллада.

Keywords: religion; philosophy; pre-symbolic poets; modernism; ballad.

Поэты-предсимволисты обнаруживали в своём творчестве тенденции к новаторскому, нетрадиционному восприятию христианства, в связи с чем они часто обращались к фольклору, мифологии. Для их творчества характерен синтез христианских и языческих образов и сюжетов. Все эти тенденции, наметившиеся ещё на рубеже XIX – XX вв., стремительно развивались в философско-теоретическом и художественно-практическом творчестве символистов. Обратимся к анализу способов выражения конкретных религиозных концепций.

Яркий поэт К.М. Фофанов в своём творчестве часто обращался к христианским сюжетам, однако трансформировал их в связи с наметившимися культурно-историческими тенденциями. В основу

стихотворений он помещал неканонические библейские тексты, там самым отступая от традиционной церковной догматики. Рассмотрим, как Фофанов трансформировал традиционные христианские воззрения на примере баллады «Дочь Рагуила». Исследователь творчества поэта С.В. Сапожков отмечает: «Источник сюжета поэмы – соответствующий эпизод из ветхозаветной книги Товита (Тов. 3, 7-17; 6, 11-18; 7 passim; 8 passim)» [4, с. 514].

Для поэта важно торжество любви и жизни над смертью, причем отраженное через судьбу Сары – женщины. К.М. Фофанов – один из первых поэтов, чье творчество способствовало постепенному формированию культа "Прекрасной Дамы" в русской литературе.

К.М. Фофанов уходит от нарочитой религиозности сюжета, сосредоточивая внимание на чувствах героев.

Другая баллада К.М. Фофанова «Искуситель» (1893 г.) вышла с подзаголовком «Легенда». В основу сюжета произведения легли главы из первой книги Библии – книги Бытия. Поэт вновь обращается к ветхозаветному тексту (как и в балладе «Дочь Рагуила»), но теперь творческому переосмыслению подвергаются общеизвестные, ключевые главы Библии, вызывающие множество толкований и споров как в церковных, так и в творческих кругах. К.М. Фофанов перерабатывает мифы о сотворении мира, возникновении сатаны и, частично, миф об изгнании Адама и Евы из Эдема, раскрывая собственные философские представления.

Согласно христианской традиции, Дьявол впервые появляется на страницах Библии в книге Бытие в образе змея, обольстившего Еву соблазном вкусить запретного плода с Древа Познания добра и зла, в результате чего Ева и Адам согрешили гордыней и были из рая изгнаны и обречены добывать хлеб свой в поте лица трудом тяжким [3, с. 215]. К.М. Фофанов же меняет этот сюжет и вводит в него образ сатаны ещё на этапе сотворения мира для того, чтобы подкрепить свою основную идею: неразделимость добра и зла.

Наряду с христианскими образами К.М. Фофанов использует и мифологические, восходящие к античности. Так, в тексте соседствуют творенье мира, рай и зефир. Подобная эклектика, соединение в рамках одного текста христианских представлений и язычества, было нормой для поэтического мира поэта, для которого весь мир представлялся единым целым.

Наиболее явно жизненная позиция поэта и его пессимистический взгляд на мир отражены в балладе «Искуситель», пафос которой направлен на то, чтобы показать неискоренимость зла в мире, созданном Богом. Трагичность мироощущения поэта проявилась в том, что Бог оказывается неспособным противостоять злу. Он не может изменить течение созданной им жизни. По сути, поэт объясняет в подтексте произведения, что и человек, если в нем есть жестокость, злобность, распущенность, то есть то, что порождено дьяволом, не может противостоять этим пороку. Мир оказывается беззащитным перед властью лжи и тьмы, а дьявол оказывается не менее величественным, чем Бог.

Баллада М.А. Лохвицкой «Лилит» является типичным для рассматриваемой эпохи переложением сюжета о первой «жене» Адама. Образ главной героини – Лилит – неоднозначный. Он занимает особое место в русской литературе. Романтическое противопоставление Лилит и Евы как двух сторон, двух ликов одной женщины встречается у Николая Гумилёва в стихотворении «Ева или Лилит». Фёдор Сологуб в сборнике «Пламенный круг» изображает Лилит как лунный свет. Романтическую окраску образ получил в поэме Аветика Исаакяна «Лилит», где прекрасная, неземная, сотворенная из огня Лилит противостоит Еве. Противопоставление Лилит земным женщинам есть в стихотворении Марины Цветаевой

«Попытка ревности». В 1928 году Владимир Набоков написал стихотворение «Лилит», в котором юная обольстительница соблазняет героя.

Баллада М. Лохвицкой «Лилит» восходит к литературной западноевропейской традиции. Автор баллады, комментируя имя героини, дает ссылку на древнее предание и уточняет: «Богиня любви и смерти; по древнехалдейскому преданию, она была первой женой Адама, обольстившей его» [1, с. 17].

Отношения Лилит и Адама являются отражением сюжета древнееврейского мифа о браке героев. М. Лохвицкая полностью переосмысливает миф о грехопадении человека, делая виновницей этого не Еву, а Лилит. Возможно, автор отразила здесь сюжет древнееврейского мифа о героине, который гласит, что Лилит была змеей, она была первой женой Адама и подарила ему Существ, что извивались в рощах и в воде, Сверкающих сынов, блестящих дочерей. Еву Бог создал потом; чтобы отомстить женщине, жене Адама, Лилит уговорила ее отведать запретный плод и зачать Каина, брата и убийцу Авеля. Поэтесса наделяет героиню, таким образом, высшей демонической властью. Однако к Адаму Лилит приходит во сне сама, а не заманивает его в свою царство, как остальных мужчин. Виновницей грехопадения в балладе становится Лилит, но Адам не волен сделать выбор, вкусить ли или не вкушать плод от Древа Познания. В Библии же Адам сам решается на это, нарушение божьего запрета является его личным волеизъявлением. Автор же, наделяя Лилит безграничной властью, делает её равной Богу. Торжество женского начала наполняет весь текст баллады.

В описании пейзажа в балладе отразились шумерские воззрения на Лилит как богиню плодородия. Именно поэтому изображается пышная природа, напоминающая Эдемский сад.

Песня Лилит выстраивается в соответствии с теми представлениями, которые сложились в русской культуре эпохи рубежа веков о сиренах. Из сказок «Тысяча и одна ночь», популярных в России, знали, что пение сирен считалось притягательным, сладким, сопротивляться ему человек не мог. Исключение – Одиссей, которого волшебница Цирцея предупредила о будущей опасности на море.

Другая баллада М.А. Лохвицкой «Четыре всадника» – виртуозное соединение библейской и национальной традиций. Четыре всадника – образы Апокалипсиса, персонажи шестой главы Откровения Иоанна Богослова, последней из книг Нового Завета.

Принято считать, что каждый из всадников несет свой смысл: на белом коне – Чума, на рыжем – Война, на черном – Голод, на бледном – Смерть. Бог призывает их и наделяет силой сеять святой хаос и разрушение в мире. Всадники появляются строго друг за другом, олицетворяют зло, разрушительные силы и смерть. Так, основная направленность баллады и мотив смерти заданы уже в ее названии произведения.

Вторая линия восходит к фольклорному сюжету «женех-мертвец», весьма популярному в литературных балладах русских романтиков начала XIX века. Тяга главной героини Майи к темноте и смерти,

её отрицание света и жизни сближает её с образом самого «жениха-мертвеца». Силён в балладе и мотив сна, причем сон охватывает героиню в светлое время суток, а в тёмное – плавно переходит в бодрствование. Сон – один из основных балладных мотивов русской поэзии, восходящий к «Светлане» В.А. Жуковского. Именно в ней сон становится мистическим и формирует сюжет произведения. Однако сон в «Светлане» не выполняет трагической функции. Он связан с миром мертвых, но наделяется позитивной семантикой. Абсолютно иной смысл придается этому мотиву в балладе М.А. Лохвицкой. Сон ее героини восходит к тому пониманию состояния, которое было принято у модернистов. Они считали, что сон дает покой, отдых от страстей и мучений земного бытия. Он всегда положительно окрашен и во многом связан с общедекадентской концепцией «бесстрастия». Засыпание, погружение в это состояние желанны для субъекта лирики; и, напротив, пробуждение от такого сна мучительно.

Слово «жених» не употребляется в балладе, его заменяет слово «гость». Эта замена объясняется тем, что в поэтическом мире символистов под «Женихом» понимался Иисус Христос. Следовательно, образ гостя в произведении М.А. Лохвицкой, с одной стороны, является воспроизведением балладной традиции начала XIX века, а с другой – воплощением новой символистской идеологии. С народными представлениями в балладе связаны возрастные характеристики женихов: утро – юноша, день, вечер и ночь – зрелые мужчины. Слова «утро», «день», «вечер» и «ночь» фигурируют в тексте баллады, сливая в единое целое образ очередного гостя с наступившим временем суток. Автор задействует ассоциативное мышление читателя, добавляя в облик каждого жениха детали, которые соотносятся с определённой временной парадигмой.

Первый жених отождествлен с утром. Особенностью первого гостя является его молодость, юношеские свежесть и красота. В портрете преобладает золотой цвет яркого утреннего солнца. В описании внешности выражено позитивное отношение матери к жениху. Ключевым аргументом в характеристике является то, что он несет с собой жизнь и веселье. Но чем больше мать хвалит жениха, тем упорнее дочь его отвергает. Героиню не отпускает «очарованный сон», возникает впечатление, что она находится под властью темных чар. Именно в этой части становится очевидным, что юная Майя – героиня, связанная с миром мертвых.

Во второй части баллады мать представляет Майе следующего жениха, отличительными признаками которого являются зрелая красота и богатство. Его портрет наполнен символикой: «въезжает на белом коне», «плащ голубой» – цвета дневного неба. Богатство жениха соотносено с пышной, яркой картиной летнего дня, наполненного живыми красками природы. Мать встречает день и гостя радостно, а дочь в облике гостя и ярких красках усматривает «обманчивый вид»; а обычный день и сама жизнь видится героине как бессмысленные.

В третьей части отношение женщин к гостям противоположно меняется. Мать, увидев таинственного жениха, закрывает жилище. Однако дочь требует отворить ставни шире. В его облике основными характеристиками является печаль и «лучистое сияние» звезды Геспер. В античной мифологии образ этой звезды нес прямо противоположные смыслы. Если в мифах Греции – это «божество вечерней звезды – самой прекрасной из звезд», то в римской – «брат Атланта, наблюдавший звезды на вершине горы, затем загадочно исчезнувший и превратившийся в яркую звезду, <...> почитался под именем Луцифера» [2, с. 298], а уже в Средние века этот мифологический образ стал образом павшего Ангела и сатаны. Именно потому гость обладает признаками иного мира: печалью, молчаливостью, отражением на лице сияния дьявольской вечерней звезды. Героиню постепенно окружают символы загробного мира, и она страстно тянется к ним.

Четвёртая часть изображает ночь, которую героини снова воспринимают совершенно по-разному. Мать, как представитель мира живых, призывает дочь вместе со всеми обычными людьми в положенный час отойти ко сну. Но Майя, зачарованная женихом-мертвецом, требует уже не распахнуть ставни, как в предыдущей части, а открыть ему дверь, принять его по обычаю мира живых. Мать отмечает в облике гостя непривычные черты: «лик его чудный», «месяц играет в его волосах», «черные очи так ярко горят», «траурным флёром окутан наряд». Да и поведение жениха необычно: «тихо подъехал и стал под окном» тёмной ночью. Если днём гость въезжал на белом коне, то этот жених появился ночью на вороном, снова цвет лошади соотносится с цветом неба. Сама Майя рада появлению жениха и готова отправиться с ним в путь. Поведение Майи и ее отношение к гостю является отражением народных представлений о сватовстве, и вообще женитьбе, как об обряде инициации. Вероятно, поэтому героиня, покидая мир живых, становится невестой, только, в отличие от обычного свадебного обряда, она возвращается в мир мёртвых, и ее встречает жених-мертвец.

Мотив смерти, таким образом, реализуется на протяжении всей баллады. Именно поэтому Майя отвергала всех женихов, ожидая последнего, который и был частью мира ее мечтаний и стремлений. Интересно и то, что поэтесса вновь наделяет героиню волей выбора. Здесь снова отражается культ женского начала в идеологии символистов.

Таким образом, творчество поэтов-предсимволистов поддерживает общую для русской литературы тенденцию к сочетанию различных религиозно-философских концепций. Произведения 1880-1890-х годов следует считать связующим звеном между романтизмом начала XIX века, реализмом и исканиями русских символистов. Поэтому идеологически этот период синтезирует в себе мощные религиозные традиции и новаторские философские эксперименты модернистов.

Список литературы:

1. Лохвицкая М.А. Стихотворения: в 5-ти томах. – Т. 4. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 236 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Том 2. К – Я / Под ред. С.А. Токарева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1988. – 1398 с.
3. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3. т. / Аверина С.А. и др. Т. 1: А-Ж. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; – СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-т, 2002. – 688 с.
4. Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы/ Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания С.В. Сапожкова – СПб.: Изд. Пушкинского Дома, 2010. – С. 194-201, 513-516. (Биб-ка поэта. Большая серия).

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.27-30

МИСТЕРИЯ Д.Г. БАЙРОНА «КАИН» В ВОСПРИЯТИИ И.А. БУНИНА

Щукина Вероника Александровна

канд. филол. наук, ст. науч. сотр.

Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина,

РФ, г. Воронеж

E-mail: ODF88@mail.ru

BYRON'S MISTERY "CAIN" IN BUNIN'S PERCEPTION

Veronika Shchukina

Candidate of Philological Sciences, senior research fellow,

Voronezh Regional Literary Museum named after I.S. Nikitin,

Russia, Voronezh

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются художественные и стилистические особенности перевода мистерии Д.Г. Байрона «Каин», созданного И.А. Буниным в 1903 году. При сопоставлении оригинального текста с русским вариантом определяется специфика бунинской интерпретации произведения английского писателя.

ABSTRACT

The article investigates artistic and stylistic features of the translation of G.G. Byron's mystery "Cain", created by I.A. Bunin in 1903. The paper also analyzes peculiarity of Bunin's interpretation, comparing the original text with the Russian version.

Ключевые слова: перитекст, текстовые лакуны, средства языковой выразительности, семантика языковых единиц.

Keywords: peritext, text gaps, means of language expressiveness, semantics of language units.

Яркая личность английского поэта-романтика Джорджа Гордона Байрона (1788-1824) привлекала многих русских писателей и поэтов. Его произведения переводили на русский язык В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Н.И. Гнедич, И.С. Тургенев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, А.А. Блок и другие классики отечественной словесности.

На рубеже XIX-XX веков творчеством Д.Г. Байрона заинтересовался и Иван Алексеевич Бунин (1870-1953). В 1900 году во время своего первого путешествия по Западной Европе, он побывал в тех уголках Швейцарии, которые вдохновляли английского поэта: на Женевском озере, в Шильонском замке, в Альпах. Впечатления от увиденного И.А. Бунин отразил в рассказе «Тишина» (1901): «Вот сейчас я подумал, что влаги можно поклоняться, как поклонялись огню... До чего это понятно – обожествление природы! Какое это великое счастье – жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И всё же мы несчастны! В чём дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в не-правильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... <...> И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда» [4].

Уже тогда И.А. Бунин задумался о переводах произведений Д.Г. Байрона на русский язык. В особенности его привлекали мистерии – метафизические драмы, в которых английский поэт затронул вечные вопросы жизни и смерти. Сам И.А. Бунин постоянно проявлял интерес к онтологической тематике, признавался: «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всём творении по таинственности и тонкости? И на таком же волоске висит и моё счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чем самим собою... За что и зачем всё это?» [2, с. 267].

Привлекали И.А. Бунина и отражённые в творчестве Д.Г. Байрона мысли о том, что «рассуждение противно природе человека», что «рассуждение – демон». Эти высказывания английского поэта он вспоминал и в более поздних своих произведениях, в том числе в книге «Освобождение Толстого» (1937).

Интерес И.А. Бунина к переводу мистерий Д.Г. Байрона был обусловлен и отсутствием русскоязычных вариантов этих произведений. Существовал лишь перевод отдельных сцен «Каина», осуществлённый поэтом Дмитрием Дмитриевичем Минаевым (1835-1889) в 1867 году.

Первым байроновским текстом, к которому обращается И.А. Бунин, становится именно эта мистерия, написанная в 1821 году. Ветхозаветная история о первом убийстве занимает особое место в произведениях и Д.Г. Байрона, и И.А. Бунина. Как верно замечает С.Б. Климова, «особую роль в творчестве английского и русского художников играет библейский миф» [5, с. 22].

Сам Д.Г. Байрон в предисловии к «Каину» писал о том, что при создании своей мистерии опирался непосредственно на текст Священного Писания, иногда используя цитаты, стараясь «сохранить язык, адаптировать его к своим персонажам, <...> внести как можно меньше изменений даже в слова, насколько позволяла рифма» (“to preserve the language adapted to his characters; <...> has made as little alteration, even of words, as the rhythm would permit” [8, p. 207] (здесь и далее, если не указано иначе, перевод наш. – В.Ш.)). Автор признавался также, что сюжет о братоубийстве привлёк его ещё в детстве, когда он прочитал поэму швейцарского литератора Соломона Гесснера (1730-1788) «Смерть Авеля» (1780).

И.А. Бунин создал перевод мистерии «Каин» в 1903 году. Его русскоязычный вариант произведения Д.Г. Байрона очень близок оригиналу, однако следует обратить внимание на некоторые важные особенности, отличающие два текста.

1). Текстовые лакуны.

Необходимо отметить, что И.А. Бунин перевёл не весь текст оригинала.

Прежде всего, он оставил за рамками русскоязычного варианта перитекст – посвящение и предисловие, которыми автор открывает своё произведение.

Д.Г. Байрон посвятил мистерию «Каин» английскому писателю Вальтеру Скотту (1771-1832): “To sir Walter Scott, bart., this mystery of Cain is inscribed, by his obliged friend and faithful servant, the author” («Сэр Вальтеру Скотту, баронету, эта мистерия о Каине посвящена его преданным другом и покорным слугой, автором»). В. Скотт был очень польщён подобным вниманием со стороны Д.Г. Байрона. В письме издателю Джону Мюррею (1778-1843) он отметил: “I accept with feelings of great obligation, the flattering proposal of Lord Byron to prefix my name to the very grand and tremendous drama of “Cain” [9, p. 92] («С чувством глубокого долга принимаю лестное предложение лорда Байрона добавить моё имя к величайшей, потрясающей драме «Каин»).

Опустил И.А. Бунин и предисловие, в котором Д.Г. Байрон объяснил причины обращения к средневековому жанру мистерии и её трансформации, указал на особенности собственной интерпретации библейской истории о Каине и Авеле.

Показательно, что Иван Алексеевич не перевёл наиболее личные высказывания английского поэта,

предваряющие основной текст. И.А. Бунин привлекала байроновская интерпретация ветхозаветной истории, непосредственно сюжет его произведения.

В самом тексте перевода также встречаются лакуны, что можно объяснить двумя причинами.

С одной стороны, думается, что И.А. Бунин опускает те фрагменты, которые, на его взгляд, не несут повышенной смысловой нагрузки. К примеру, подобная часть диалога Люцифера и Каина:

“Lucifer. Dar’st thou behold?

Cain. How know I what

I dare behold? As yet, thou hast shown nought

I dare not gaze on further.

Lucifer. On, then, with me.

Wouldst thou behold things mortal or immortal?

Cain. Why, what are things?

Lucifer. Both partly” [7, p. 237-238]

(«*Люцифер. Что видишь ты кругом?*

Каин. Откуда знать мне,

что я созерцаю? Пока ты ничего не показал, не смею вглядываться дальше.

Люцифер. Тогда давай со мной.

Ты видишь тленное или нетленное?

Каин. Но что это?

Люцифер. Они одновременно смертны и бессмертны»)

С другой стороны, И.А. Бунин не переводит те мысли Д.Г. Байрона, с которыми, как можно предположить, не совсем согласен. Так, в русском переводе опущена часть метафизических рассуждений Люцифера. Сравним оригинальный текст с вариантом И.А. Бунина:

“Lucifer. Let He who made thee answer that.

I show thee what thy predecessors are,

And what they were thou feelest, in degree

Inferior as thy petty feelings and

Thy pettier portion of the immortal part

Of high intelligence and earthly strength.

What ye in common have with what they had

Is Life, and what ye shall have Death: the rest

Of your poor attributes is such as suits

Reptiles engendered out of the subsiding

Slime of a mighty universe, crushed into

A scarcely-yet shaped planet, peopled with

Things whose enjoyment was to be in blindness

A Paradise of Ignorance, from which

Knowledge was barred as poison. But behold

What these superior beings are or were;

Or, if it irk thee, turn thee back and till

The earth, thy task – I’ll waft thee there in safety”

[7, p. 243-244]

(«Пусть Тот, кем создан ты, ответит.

Показываю я твоих предшественников,

Что были ниже тебя настолько,

Насколько твои мелкие чувства

Жалки в сравнении с бессмертным

Высшим разумом и земной силой.

Общее меж вами лишь то, что они когда-то

Жили и что ты должен будешь Умереть: все остальные

Скудные свойства твои подобны коже

Рептилий, созданной из затухающей
 Слизи могучей вселенной, раздавленной
 Ещё не сформированной планетой, населённой
 Существами, чьим наслаждением было пребы-
 вание в слепоте в

Раю Неведения, где Знание было под запретом,
 как отравы. Смотри также

На высших существ, что есть иль были;
 Но, если утомлён, вернись к своим трудам –
 возделывай землю, –
 Я в безопасности тебя домой доставлю»).

В переводе И.А. Бунина этот монолог значительно
 сокращён:

«Люцифер

На это пусть ответит

Создатель ваш. Я показал, чем стали

Предшественники ваши. Созерцай их

Иль, если это тяжко для тебя,

Вернись к земле, к своим трудам: ты будешь

Перенесён на землю невреждимо» [1, с. 252].

2). Графические средства языковой вырази-
 тельности.

Другая особенность перевода И.А. Бунина –
 использование в некоторых случаях курсива там, где
 он отсутствует в оригинальном тексте, и, напротив,
 удаление авторского курсива.

Например, в боготорческой речи Каина Д.Г.
 Байрон графически выделяет ключевые слова: место-
 именина *he* (он), подразумевающее Иегову; и *nothing*
 (ничто), указывающее на человека:

“*Cain*. No: *he* contents him

With making us the *nothing* which we are;

And after flattering dust with glimpses of

Eden and Immortality, resolves

It back to dust again – for what?” [7, p. 259].

В переводе И.А. Бунина графическое выделение
 отсутствует:

«Каин

Но создал

Ничтожеством; он поманил нас раем,

Бессмертием, но сотворил из праха

И в прах вернёт – скажи, за что?» [1, с. 273].

В то же время на значимых лично для него фразах
 Иван Алексеевич акцентирует внимание с помощью
 курсива. Так, И.А. Бунин выделяет слова, указываю-
 щие на появление своеобразной династии грешников –
 потомков Каина:

«Каин <...>

Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,

Что в нём *одном* – зачатки вечной скорби

Для *мириад* сынов его!» [1, с. 275].

В оригинальном тексте курсив отсутствует:

“*Cain*. <...>

Little deems our young blooming sleeper, there,

The germs of an eternal misery

To myriads is within him!” [7, p. 260].

3). Семантика языковых единиц.

В своём переводе мистерии «Каин» И.А. Бунин ис-
 пользуется наиболее близкие к оригиналу лексические

единицы. Тем не менее, в некоторых случаях сокра-
 щает синонимические ряды Д.Г. Байрона, что приво-
 дит к некоторым изменениям смысловых значений.

Наиболее яркий пример – семантические си-
 нонимы, которые английский поэт использует для
 обозначения «змеи» – одного из ключевых образов
 произведения. В тексте оригинала употребляются
 три существительных:

1) нейтральное название животного “snake” –
 «змея»;

2) библейское понятие, обозначающее искушителя,
 “serpent” – «змий, дьявол»;

3) зоологический термин “reptile” – «рептилия,
 пресмыкающееся».

Существительные “snake” и “reptile” присут-
 ствуют в речи Люцифера, стремящегося доказать,
 что Ева видела на райском «древо знания» обычное
 животное. Напротив, Каин постоянно использует
 слово “serpent”, подчёркивая демоническую природу
 змеи. В этом смысле показателен следующий диалог:

“*Cain*. They say the Serpent was a spirit.

Lucifer. <...> The snake was the snake

No more” [7, p. 220-221].

(Каин. Они говорят, что Змий был духом.

Люцифер. <...> Змея была змеей. Не более»).

И.А. Бунин применяет только одну лексему –
 «змий»:

«Каин

Мне говорили, что змий был дух.

Люцифер

<...> Змий был змий, не больше» [1, с. 219].

Так, И.А. Бунин, создавая близкий к оригиналу
 перевод мистерии «Каин», очень тонко, при помощи
 графических средств и семантики некоторых лек-
 сем, обнаруживает в тексте своё присутствие.

Следует заметить, что точки зрения русского и
 английского поэтов на библейскую историю немного
 разнятся. Если для Д.Г. Байрона Каин и Люцифер
 являются настоящими романтическими героями-
 бунтарями, вызывающими своей смелостью симпатии
 автора, то у Ивана Алексеевича эти персонажи всё
 же не вызывают такого восхищения, скорее удивле-
 ние перед их отчаянным «сизифовым трудом» –
 заранее обречённой упорной борьбой с основами
 бытия. Своё отношение к образу Каина И.А. Бунин
 впоследствии выразит в одноимённом стихотворе-
 нии 1906 года:

«<...> Он – убийца, проклятый,

Но из рая он дерзко шагнул.

Страхом Смерти объятый,

Всё же первый в лицо ей взглянул.

Жадно ищущий бога,

Первый бросил проклятье ему.

И, достигнув порога,

Пал, сражённый, увидевши – тьму.

Но и в тьме он восславит

Только Знание, Разум и Свет –

Башню Солнца поставит,

Вдавит в землю незыблемый след. <...>

Он спешит, он швыряет,
 Он скалу на скалу громоздит.
 Он дрожит, умирает...
 Но творцу отомстит, отомстит!» [3, с. 285].

К образу Люцифера И.А. Бунин также обратится в своей поэзии, написав в 1903 году стихотворение «Сатана Богу», повествование в котором ведётся от лица гордого падшего ангела, бросившего вызов Создателю.

Воспроизведение ключевых библейских боготворческих фигур в творчестве Ивана Алексеевича указывает на его личный интерес к ним. Переводя мистерию «Каин», И.А. Бунин сохраняет фабулу, однако отчасти нивелирует байроновское присутствие в тексте, заявляя при этом своё собственное. Именно поэтому «поэтическое произведение при пересадке на другую почву не поблекло и не зачахло» [6, с. 411]. По меткому замечанию Н. Любимова, для И.А. Бунина «перевод <...> всегда «брак по любви», и оттого-то он и оказывается браком счастливым» [6, с. 410].

Список литературы:

1. Байрон Д.Г. Каин / Пер. с англ. И.А. Бунина // И.А. Бунин. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 8. Стихотворения 1918-1953. Переводы. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 208-296.
2. Бунин И.А. Воды многие // Солнечный удар: сборник. – М.: АСТ, 2019. – С. 251-278.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1886-1917. – М.: Художественная литература, 1965. – 596 с.
4. Бунин И.А. Тишина [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/tishina.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
5. Климова С.Б. Байрон в восприятии Бунина (аспекты рецепции): автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.03. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.
6. Любимов Н. О переводах Бунина // И.А. Бунин. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 8. Стихотворения 1918-1953. Переводы. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 409-422.
7. Byron G.G. Cain // The Poetical Works of Lord Byron. – Vol. 5 / Edited by Ernest Hartley Culeridge. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1901. – P. 212-275.
8. Byron G.G. Preface to Cain // The Poetical Works of Lord Byron. – Vol. 5 / Edited by Ernest Hartley Culeridge. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1901. – P. 207-212.
9. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, bart. by J.G. Lockhart, Esq. / J.G. Lockhart (John Gibson). – Philadelphia: Carey, Lea, & Blanchard, 1838. – 352 p.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.31-33

 ПРЕПОДАВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА
 КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ

Скалия Давиде

преподаватель итальянского языка,
 Итальянский институт культуры в Москве при посольстве Италии,
 магистрант,
 ФГБОУ ВО «Российский Государственный Гуманитарный Университет»,
 РФ, г. Москва

TEACHING AND DISTRIBUTION OF THE ITALIAN LANGUAGE AS FL IN RUSSIA

Scalia Davide

Professor of Italian Language, Italian Institut of Culture
 Student, Russian State University for the Humanities
 Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Итальянская культура и язык всегда были интересны России. Поэтому в этой статье мы хотим представить методы распространения и преподавания итальянского языка на территории России. Изучаются преподавание итальянского языка в школах, университетах, итальянских институтах культуры в Москве и Санкт-Петербурге, а также мероприятия, предлагаемые проектом PRIA.

ABSTRACT

Italian culture and language have always been interesting to Russia. So in this article we want to present the methods of dissemination and teaching of the Italian language in Russian territory. The teaching of the Italian language in schools, universities, at the Italian Cultural Institutes of Moscow and St. Petersburg and the activities proposed by the PRIA project are examined.

Ключевые слова: преподавание, итальянский язык, Россия, Итальянский институт культуры, проект ПРИА.
Keywords: teaching, italian language, Russia, Italian Institute of Culture, project PRIA.

Всем известно, как в России всегда считалась интересной итальянская культура. Это явно заложило основу на её территории для распространения преподавания итальянского языка как иностранного. В этой статье мы рассматриваем тему преподавания итальянского языка в России как иностранного, анализируя как официальные программы, так и традиционные инструменты, с помощью которых преподается итальянский язык в школах и в университетах.

Для полного понимания способов, с помощью которых преподавание иностранных языков развивалось в России, необходимо учитывать три аспекта-исторического общества, которые были характерны для России в XX веке: советская эпоха и в результате «русификации» республик СССР, холодная Война и последующее «падение железного занавеса»,

и распад Советского Союза. В результате преподавание второго иностранного языка в школах казались почти лишним, и все же было всего четыре иностранных языка: в большинстве случаев – английский и немецкий, впоследствии французский и только в небольшом количестве случаев – испанский. Даже в университетах ситуация была аналогичной: язык преподавался с помощью грамматически-переводного метода, с целью читать и переводить тексты.

Каким бы ни был подход к иностранным языкам в СССР, сегодня во всех школах преподается хотя бы один иностранный язык (в основном английский) начиная либо с первого, либо со второго класса, а начиная с пятого класса вводится изучение второго иностранного языка.

Начиная примерно с пятнадцати лет назад мы наблюдаем рост спроса на курсы итальянского

языка, как по соображениям культурного интереса, так и для рабочих нужд. На самом деле, в учебном году 2005-2006, в результате многочисленных просьб некоторых школ Москвы, была предоставлена возможность преподавать курсы итальянского языка, другие языки уже преподавались в России (английский, французский и немецкий). Вводится Министерством Образования и Науки Российской Федерации преподавание итальянского языка как иностранного языка в российских школах. Согласно некоторым недавним исследованиям, исследованиям и статистике, количество школ, в которых можно было бы изучать итальянский язык как второй или третий язык, составляет 64 (институты в основном расположены в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах), а число студентов, которые изучали бы итальянский язык в школе, будет составлять около 3000.

Итальянский язык изучается с пятого по одиннадцатый класс по два часа в неделю и один из самых распространенных учебников, который пользуют преподаватели – это серия учебников “Итальянский язык”, состоящая из семи томов, написанных двумя университетскими преподавателями (Надежда Дорофеева и Галина Красова) и утверждается Министерством. Кроме того, в России можно изучать итальянский также в университете, как например, Московский Государственный Университет имени Ломоносова (МГУ), Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ), Московский Государственный Лингвистический Университет (МГЛУ), Санкт-Петербург Государственный Университет (СПбГУ), и в многих других вузах. Наконец, растущий интерес к итальянскому языку и культуре привел к тому, что одним из наиболее высокооплачиваемых направлений является преподавание итальянского языка на частном уровне. Многие языковые школы ищут учителей итальянского языка для иностранцев, и, как правило, предлагаемая зарплата больше, чем предполагаемая в государственных школах.

Кроме того, итальянские институты культуры, присутствующие в Москве и Санкт-Петербурге, играют важную роль в продвижении и преподавании итальянского языка в России. Основными пользователями услуг, предлагаемых итальянскими институтами культуры являются русские, желающие и заинтересованные в изучении итальянского языка, Италии и ее культуры, а также некоторые итальянцы, проживающие в России, которые хотят поддерживать языковую и культурную связь со своей родиной, участвуя в мероприятиях, предлагаемых итальянскими институтами культуры. Основные цели ИИ изложены на веб-странице итальянского Института Культуры в Москве и Санкт-Петербурге:

Итальянский институт культуры в Москве стремится содействовать и распространять итальянский язык и культуру в России путем организации культурных мероприятий для содействия распространению идей, искусств и наук. Итальянский институт культуры в Москве предлагает российской общественности следующие услуги:

- курсы итальянского языка, проводимые русскими квалифицированными преподавателями и носителями языка
- экзаменационные сессии для получения диплома о знании итальянского языка как иностранного (CILS)
- проявления в различных областях культуры.

Институт сотрудничает с различными российскими учреждениями культуры в организации таких важных мероприятий, как выставки, театральные представления, кинофестивали, концерты, конвенции, семинары и многое другое.

Эти цели достигаются благодаря различным услугам, которые предлагаются, которые, как вы можете прочитать, не лингвистического характера (курсы и сертификаты), но и культурные (мероприятия, концерты, художественные выставки и обзоры фильмов).

Наконец, еще одной мерой для распространения итальянского языка на территории России является проект ПРИЯ. ПРИЯ (по-итальянски я Р. R. I. A.) – это акроним, итало-русского, который обозначает «программа для распространения итальянского языка». Программа, действующая с 2005 года, является результатом сотрудничества между Департаментом образования Генерального Консульства Италии, посольством Италии в Москве и Министерством иностранных дел Италии. Основная цель проекта ПРИЯ, то есть продвижение итальянского языка на территории России в целях содействия межкультурному диалогу между Италией и Россией, будет достигнута путем создания сети школ, исповедующих преподавание итальянского языка (ПРИЯ обязуется поддерживать, в том числе экономически эти школы, и создать между ними хороший уровень сплоченности), создание постоянного культурного центра; активизация сотрудничества между университетами и школами; организация мероприятий, инициатив и проектов, в которых сотрудничают Россия и Италия.

По статистике, опубликованной на сайте www.programmapria.net, присоединяются к программе ПРИЯ 157 школ, в то время как 30 школ ждут подтверждения 41, и в таблице (таб. 1), обновленной на 2015-2016 год, зачислены в программу ПРИЯ Также двадцать университетов, шесть языковых центров, библиотека, консерватория и две академии:

Таблица 1.

Данные по участию в программах П.Р.И.Я.
 (<https://www.programmapria.ru/>)

DATI STATISTICI 2015-2016		
	ISCRITTI AL PROGRAMMA PRIA	ITALIANO CURRICULARE
SCUOLE	114	53
UNIVERSITÀ	20	16
CENTRI LINGUISTICI	6	3
BIBLIOTECHE	1	
CONSERVATORI	1	1
ACCADEMIE	2	1
TOTALE	144	74

Последние обновления сайта программы ПРИЯ, что касается статистических данных, относятся к 2016 году: это может свидетельствовать о том, что проект ПРИЯ больше не активен. В других разделах

сайта или на странице Facebook того же, с другой стороны, вы можете увидеть некоторые новости и видео, которые показывают, что проект все еще на месте.

Список литературы:

1. Беттони П. Insegnare italiano in Russia, Guerra Edizioni, 2012, [373 – 380].
2. Дубицкая О. Nelle scuole russe è di moda l'italiano, в La voce della Russia, 2012.
3. Перрино Дж., “Genesi del programma P.R.I.A. – le ragioni di un successo www.pria-it.ru”, Guerra Edizioni, 2009.
4. Рязановский Н.В., A History of Russia. 2015.
5. Торресин Л., Insegnare italiano in Russia, in Bollettino Itals, anno 76, № 16, 2018.

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.34-37

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ
С УЧЕТОМ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
НА ФОНЕТИЧЕСКОМ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЯХ**

*Власов Вадим Сергеевич**учитель испанского языка, МБОУ СОШ № 32,
РФ, г. Мытищи*

**THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY
OF ADOLESCENTS, TAKING INTO ACCOUNT THE LINGUISTIC CHARACTERISTICS
OF SPANISH COLLOQUIAL SPEECH AT THE PHONETIC, WORD-FORMATION
AND LEXICAL LEVELS**

*Vadim Vlasov**teacher of Spanish MBOU SOSH № 32,
Russia, Mytishchi*

АННОТАЦИЯ

Процесс развития языковой личности необходимо корректировать при помощи педагогических и психологических методов, в частности личностно-деятельностного подхода. В своем личностном компоненте такой подход основывается на том, что ядро обучения составляет сам обучающийся, а также его мотивы, а основным механизмом развития и формирования языковой личности является деятельность.

ABSTRACT

The development process of a linguistic personality must be corrected with the help of pedagogical and psychological methods, in particular, the personality-activity approach. In its personal component, this approach is based on the fact that the student himself constitutes the core of learning. The core is also made up of his motives, and the main mechanism for the development and formation of a linguistic personality is activity.

Ключевые слова: языковая личность, подростки, речь, языковые особенности, специфика разговорной речи.
Keywords: linguistic personality, adolescents, speech, linguistic features, the specifics of colloquial speech.

Языковая личность подростков формируется в результате постоянного усвоения разнообразных общественных форм сознания, а также в процессе общения и вербальной коммуникации, анализа общественно-исторического опыта. Языковая личность способна развиваться на основе процессов обучения, общения и воспитания.

Процесс эффективного формирования языковой личности подростков основывается на развитии познавательных процессов, к которым необходимо отнести речь, внимание, мышление. Структура познавательных процессов в ходе формирования языковой личности подростков является нерасторжимым комплексом интеллектуальных и волевых процессов, важных для развития всей личности. Ключевым фактором формирования языковой личности подростков является учебная деятельность.

В настоящее время для испанского языка тема особенностей разговорной речи подростков особенно актуальна в силу ряда воздействующих на нее

изменений, главным из которых является то обстоятельство, что в последние десятилетия в сфере повседневного общения произошли глубокие изменения.

Следовательно, главной целью данной работы является изучение и последующее выявление специфики испанской разговорной речи подростков на всех языковых уровнях: словообразовательном, лингвистическом и фонетическом.

Для начала необходимо подчеркнуть то, что основу целостного ядра любого языка составляет языковой стандарт, или литературный язык, который является эталоном для образования речевых конструкций и предложений в процессе общения.

Согласно М.В. Ларионовой, «многообразные нестандартные элементы основы испанской разговорной речи находятся в определенных системных отношениях между собой и по отношению к языковому стандарту».

Объемная часть специфики разговорной речи подростков приходится именно на лексический уровень, который является самым подвижным и многогранным языковым пластом. Не менее важную роль в разговорной речи подростков выполняют морфологические средства.

Рассмотрим специфику испанской разговорной речи подростков, выделяя ее фонетические, словообразовательные и лексические особенности:

а) К фонетическим особенностям относятся [1]:

1. Протеза.

Протезы в испанской разговорной речи подростков можно наблюдать исключительно в заимствованиях из других языков. Например: протеза, при которой начальной <s> предшествует гласный <e>: *scribēre* – *escribir*, *spēculum* – *espejo*, *stare* – *estar* [10]. Характерной особенностью данного явления является появление в начале слова не только протетического <e>, но и протетического гласного <a>: *a* – *gradio* – *vulgar por radio* [2].

2. Афереза.

Афереза представляет собой так называемое выпадение первоначальных звуков в произносимом слове. Наиболее часто данная особенность в испанской разговорной речи подростков возникает при отсутствии <d> в интервокальной позиции: *espelote* – от *despelote* – обнаженность, *escoñar* вместо *descoñar* – сломать, *ñores* – *señores* – господа [10].

3. Деформация.

Относительно деформации можно сказать, что она достигается путем изменения конечных фонем: *bají* – от *bajo* – грусть, *chupí* – от *chupado* – крутой, *plastiqué* – от *plástico* – пластик.

б) К словообразовательным особенностям относятся:

1. Словосложение.

В испанской разговорной речи подростков словосложение, в свою очередь, дает возможность создать эффект иронии и субстантивировать устойчивую конструкцию или выражение:

- *anarcopasota* – от существительных *anarquista* и *pasota* – приверженец анархизма.

2. Усечение.

Испанская разговорная речь подростков широко изобилует так называемым усечением многосложного слова:

- *mates* – от существительного *matemáticas* – математика;

- *guri* – от существительного *guri* – полицейский;

- *legía* – от существительного *legionario* – солдат [16].

Данная особенность находит отражение и в письменной речи подростков.

Необходимо также отметить, что в испанской разговорной речи подростков широко используются личные имена с эмоционально-волевой окраской, следовательно, стилистический тон предопределен формальными средствами выражения – сокращениями и структурными преобразованиями.

Как отмечает А.В. Суперанская: «Современные подростки при обращении друг к другу стараются

употреблять не полную форму имени, а его сокращенную форму» [10].

Например, женские имена: *Sandra*, *Tere*, *Pili*; имена лиц мужского пола: *Paco*, *Chicho*, *Chelo* [11].

3. Универбизация.

Согласно Э.М. Береговской, универбизация «подразумевает морфологический прием, в котором выражение стягивается в одно слово за счет изменения формы одного из элементов выражения» [11].

Пример из испанской разговорной речи подростков:

- *estupa* – от *Brigada de etupeficiantes* – сотрудник специализированных органов по борьбе с сильнодействующими и психотропными веществами [10].

4. Аффикация.

В зависимости от варианта изменения делится на следующие виды:

а) префиксация (несколько приставок являются продуктивными: *super*, *des*, *in*, *a*. Приставка с отрицательным значением – <des>, выражающая приватное значение, а также приставки <in>, <a> – тоже с привативным значением: *inmable*, *infumable*, *abombazo* [18];

б) суффиксация:

- уменьшительные суффиксы.

Примеры из разговорной речи подростков: *mangurillos* – *mangui* – воришки, *gachí* – *gachilla* – девушка [2];

- увеличительные суффиксы: *azo*, *aza*, *ota*, *eta*, *ata*, *ón*, *ona*, *amen*, *ada*, *ante*, *ero*, *asa*.

Примеры из разговорной речи подростков:

- *portazo* – от глагольной конструкции *dar un portazo* – хлопнуть дверью – грубиян [10];

- *bocadillo* – от существительного *bocata* – бутерброд [10];

- *flirante* – от глагола *flirar* – привлекательный [12];

в) лексические особенности.

К лексическим особенностям специфики испанской разговорной речи относится активное использование заимствованных слов в неизменной или трансформированной форме, поскольку значительное влияние на испанскую разговорную речь подростков оказал английский язык.

Согласно К. Пратт, «в испанском языке выделяют два типа интеграции английского языка – это очевидные и неочевидные англицизмы» [2]. Первый тип трактуется как непосредственное прямое заимствование, а второй – это кальки и ранние заимствования.

Например, в испанской разговорной речи подростков адаптированы следующие английские слова и выражения [10].

1. Прямые заимствования:

- *be quiet* – от английской глагольной конструкции *to be*. Подростки используют данное выражение в тех ситуациях, когда просят кого-нибудь успокоиться и не мешать им.

2. Кальки и ранние заимствования:

- *trolea a alguien* – от английского глагола *troll*. Подростки используют данный глагол, когда хотят над кем-нибудь подшутить или над кем-нибудь пошутиться.

Другими словами, английский начинает оказывать огромное влияние на испанскую разговорную речь, особенно среди подростков, в то время как естественное влияние английского языка наблюдается в таких областях, как компьютерные технологии, Интернет.

Не лишним будет подчеркнуть, что сама связь «технология – язык – речь – подросток» неувидительна: чем шире использование определенных инструментов, тем больше возникает необходимость того, чтобы язык адаптировался к ним и, следовательно, отвечал всем потребностям представителей данной возрастной группы, которые живут в век цифровых технологий. Прежде всего, говоря о подростках, мы выделяем социальные сети и онлайн-игры, которые также влияют на появление нового лексикона в разговорной речи подростков.

Е.Н. Галичкина отмечает, что «виртуальное пространство позволяет осуществлять процесс культурного и языкового обмена и способствует созданию новых слов и выражений» [10].

К этим словам и выражениям относятся неочевидные англицизмы, а именно кальки и ранние заимствования:

1. *pokear* – от английского глагола *poke* – совершать набеги на соперника [12];

2. *levelear* – от английского существительного *level* – играть, с целью перейти на следующий уровень [12];

3. *lageado* – от английского существительного *lag* – состояние, которое испытывает пользователь при возникновении замедления работы компьютера [12].

Следовательно, учитывая процессы развития современных технологий и постоянного обновления языка, специфика разговорной испанской речи именно подростков меняется, приобретая новые речевые изменения и инновации, которые говорящие употребляют при повседневном общении.

3. Ономатопея.

В разговорной речи подростков присутствуют лексемы, которые сформированы по принципу звукоподражания. Примерами могут служить: *chagar* – поболтать, *fifi* – женоподобный человек мужского пола.

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод о том, что испанская разговорная речь наделена свойством постоянного обновления языка и употребляемых речевых конструкций и оборотов. Структура испанской разговорной речи претерпевает значительные и глубокие изменения: с каждым годом модифицируется система повседневного общения, в том числе между подростками; растет объем использования стилистически сниженных речевых формул; в процессе общения говорящие все чаще употребляют простые предложения взамен сложных.

Само обновление языка, с помощью которого взаимодействуют подростки, стало возможным благодаря влиянию молодежной культуры и желанию подростков говорить на «своем» языке. Эти факторы привели к тому, что разговорная речь подростков обладает свойством постоянной модернизации в силу использования ими подросткового сленга. Подростки стали сознательно создавать и вбирать современный сленг, с помощью которого происходит трансформация речевого взаимодействия в данной возрастной группе.

Структура испанской разговорной речи претерпевает значительные и глубокие изменения: с каждым годом модифицируется система повседневного общения, в том числе между подростками; растет объем использования стилистически сниженных речевых формул; в процессе общения говорящие все чаще употребляют простые предложения взамен сложных.

Список литературы:

1. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях. – М., 2014. – С. 86.
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. – СПб., 2013.
3. Интернет портал *Objetivotutti frutti* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://objetivotutti frutti.com> (дата обращения: 16.03.2021).
4. Интернет-портал *E1 Pais* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elpais.com> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Интернет-портал *E1 Periodico* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elperiodico.com> (дата обращения: 20.03.2021).
6. Интернет-портал *Ejemplos* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejemplos.co/ejemplos-de-adolescentes> (дата обращения: 26.03.2019).
7. Интернет-портал *Enfemenino* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.enfemenino.com> (дата обращения: 03.03.2021).
8. Интернет-портал газеты *ABC* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abc.es> (дата обращения: 14.03.2021).
9. Интернет-портал газеты *E1 Mundo* / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elmundo.es> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Литвиненко Е.В. *Historia de la lengua Española*. – Киев, 1983. – С. 45.
11. Симеонова С. Словарь испанской разговорной речи. – М., 2001. – С. 31.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – С. 200.

13. Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет. – М., 1996. – С. 54.
14. Электронный словарь для переводчиков DALP / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diccionario.net/espanol-DALP> (дата обращения: 04.03.2021).
15. Электронный словарь для переводчиков Multitran / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multitran.ru> (дата обращения: 01.03.2021).
16. Электронный словарь для переводчиков Onlinedics / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru> (дата обращения: 18.03.2021).
17. Электронный словарь для переводчиков Reverso / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diccionario.reverso.net/espanol/-+DAV> (дата обращения: 17.03.2021).
18. Carreter F.L. Diccionario de términos filológicos. – Madrid, 1968. – С. 99.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.38-40

ХАРАКТЕРИСТИКА ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИМЕНЯЕМЫХ В МЕДИЦИНЕ И ИХ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Абдурахманова Мадина Улугбековна**преподаватель кафедры узбекского языка и литературы,
Андижанский государственный медицинский институт,
Республика Узбекистан, г. Андижан
E-mail: lady.abdurahmanova@bk.ru*

CHARACTERISTIC OF GRECO-LATIN TERMS USED IN MEDICINE AND THEIR SEMASIOLOGICAL ANALYSIS

*Madina Abdurakhmanova**Teacher at the Department of Uzbek Language and literature,
Andijan State Medical Institute,
Uzbekistan, Andijan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сущность семасиологического анализа, его цели и задачи. Также говорится, что отбор терминов для анализа осуществлялся методом сплошной выборки, при котором выбор единиц для исследования осуществляется по мере их представленности в словарной, энциклопедической литературе. Даны примеры по результатам проведенных исследований.

ABSTRACT

This article examines the essence of semasiological analysis, its goals and objectives. It is also said that the selection of terms for analysis has been carried out by the method of continuous sampling, in which the selection of units for research is carried out as they are represented in the dictionary, encyclopedic literature. Examples are given based on the results of the research.

Ключевые слова: термин, семасиологический анализ, денотаты, медицинские термины, абазия, астазия.

Keywords: term, semasiological analysis, denotations, medical terms, abasia, astasia.

Начиная с 60-х годов минувшего столетия, развитие новой эпохи сопровождается становлением антропологического, антропоцентрического подхода, в центре внимания, которого личность во всем многообразии ее проявлений, понимание человека как дискурса, текста, который обязательно имеет свой «подтекст». Подобное понимание личности сопровождается развитием лингвистических наук, главным объектом которых являются «семантические универсалии», взаимосвязи, взаимоотношения между восприятием, категоризацией явлений, феноменов, процессов окружающей среды и их закреплением в языковой системе. Одним из эффективных инструментов репрезентации результатов реализации когнитивных процессов выступает терминосистема, научные термины, в которых отражены понятия конкретной области научного познания [2].

В то же время язык, в том числе и язык для специальных целей, не стальное, единожды сформированное и застывшее образование, но живая, постоянно

меняющаяся сущность, на различных этапах развития области научного познания и сферы практической деятельности в определении отдельного термина различные ученые акцентируют внимание на различных его аспектах, что приводит к появлению дополнительных значений. На сегодняшний день очевидным становится, что термин, как и любая другая лексическая единица, склонен к развитию многозначности [1].

Прежде всего, необходимо выявить сущность семасиологического анализа, его цели, задачи, на решение которых может быть направлено применение метода. Следует отметить, что в центре внимания семасиологического и ономасиологического анализа значение слова, однако указанные подходы по-разному понимают само значение слова.

Семасиология сосредоточена на изучении семантической структуры слова, рассматривает лексическое значение слова. При этом семантическое значение слова рассматривается как многокомпонентная

полевая структура, в составе которой можно выделить ядро, денотат и периферию, представленную коннотативными и ассоциативными значениями [6].

Под денотативным значением в современной научной литературе может пониматься логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, «совокупность основных, ядерных сем значения, отражающих, по мнению лексикографов, основное содержание значения» [4]; «определяемая лексикографами минимальная совокупность семантических компонентов, позволяющая пользователю словаря опознать слово по его словарной дефиниции или получить общее представление об основных компонентах значения неизвестного ему слова» [13].

Лексикографическое значение основывается на принципе редуccionизма, в результате чего в словаре фиксируются лишь наиболее значимые и распространенные денотаты. Иными словами, денотативные значения медицинских терминов выявляются на основании работы со специализированной энциклопедической и справочной литературой. В процессе проведения семасиологического анализа использовалась следующая словарная и энциклопедическая литература:

1. Александровский Б.П., Соколовский В.Г. Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением [3];

2. Энциклопедический словарь медицинских терминов [14];

3. Криничанский А.В., Богданова Л.А. Толковый словарь медицинских терминов [7].

Отбор терминов для анализа осуществлялся методом сплошной выборки, при котором выбор единиц для исследования осуществляется по мере их представленности в словарной, энциклопедической литературе.

В свою очередь, под расширенным контекстуально-лексикографическим, коммуникативным значением может пониматься дополнение словарных дефиниций данными, полученными из семантики контекстуального употребления слова «система разного рода правил, определяющих границы употребления знака в деятельности общения» [8].

В процессе проведения исследования выявление коннотативных значений медицинских терминов исследуемой группы осуществляется на основании обращения к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ [9]). НКРЯ представляет собой один из наиболее разработанных инструментов корпусной лингвистики в РФ, обновление и функционирование ресурса осуществляется при поддержке РГНФ [9].

В качестве дополнительных преимуществ НКРЯ следует назвать наличие возможностей задать подкорпус медицинской тематики, что позволит выявить коннотативные, коммуникативно обусловленные значения терминов непосредственно в речи медицинских работников, в профессиональной коммуникации.

В семантическую структуру лексической единицы включаются стилистические, экспрессивные коннотации, культурный компонент как сформированные в рамках отдельных лингвокультур значения, дополнительные коннотации, ассоциации и т. д. [6].

Проведение семасиологического анализа предполагает выявление ассоциативных значений, сем, которые возникают в сознании отдельного носителя языка. На формирование дополнительных значений, ассоциаций оказывает влияние ряд факторов, в качестве которых выдающийся российский ученый А.А. Леонтьев называет следующие [8]:

1) под влиянием особенностей реализации психологических процессов, которые стоят за лексемой как знаком языковой семиотической системы. В результате накопления экзистенциального опыта под влиянием психологических процессов личность начинает вкладывать в понимание слова собственные значения, не закрепленные на лексикографическом и коммуникативном уровнях;

2) уровень осознанности содержания лексемы в сознании отдельного субъекта, в результате чего лексическая единица может в субъективном сознании утрачивать денотативные значения или, наоборот, в ситуации неполного понимания слова личность может наполнять ее своим собственным содержанием;

3) смысловая окрашенность знакового образа, значимость лексемы для личности, наличие / отсутствие личностного смысла. В данном случае под влиянием личностной значимости значение знака может подвергаться деформациям, отмечается подмена объективного содержания личностным смыслом;

4) эмоциональная окрашенность знака.

Под влиянием указанных факторов, внутреннего контекста как «многомерной сети связей в голограмме образа мира» [5] в сознании личности формируются дополнительные семантические компоненты, часто, окказиональные, само психологическое знание приобретает новые смысловые нюансы.

Выявление дополнительного ассоциативного значения медицинских терминов греко-латинского происхождения осуществляется на основании работы с ассоциативными словарями [11], словарями синонимов и антонимов. В процессе работы с указанными источниками представляется возможным выявить значения, которые возникают в сознании индивидуального носителя языка в процессе восприятия термина.

В результате проведения исследования семасиологическому анализу подвергались следующие единицы:

абазия (abasia; a- + греч. basis шаг) – неспособность ходить, связанная с расстройствами равновесия тела или с двигательными нарушениями нижних конечностей (параличами, гиперкинезами, мышечными спазмами) – приведенный термин является греко-латинским заимствованием, в латыни используется в значении *basis* "foundation", в свою очередь, в латинский язык пришел из греческого *basis* "a going, a step; a stand, base, that whereon one stands," from *bainein* "to go, walk, step" [15].

То, что прежде считалось главным и определяющим в картине истерии, — судорожные припадки, обмороки, globus hystericus, параличи и анестезии, невозможность стоять и ходить при отсутствии паралича конечностей, движения которых достаточно сильны, когда больной лежит (астазия, абазия), вазомоторные расстройства — и сейчас

исследуется с полным вниманием, но расценивается как особые формы реакции на психическое переживание, а не в качестве кардинальных признаков какой-то особой болезни [10] — термин употребляется в своем денотативном значении, однако используется в одном контексте с термином «астазия» — (astasia; a- + греч. stasis состояние, поза стоя [16]) — расстройство движений, проявляющееся утратой способности стоять без поддержки; наблюдается при поражениях ц. н. с. Указанный термин выступает синонимичным, однако обозначает невозможность стоять, а не совершать движения в целом. Соответственно, в речи медиков номинации, обозначающие невозможность ходить и двигаться употребляются в одном синонимическом ряду.

Единственным синонимичным значением к лексеме является «болезнь» [12] — гипероним по отношению к исследуемому термину.

Ассоциативный ряд термина «астазия» несколько шире: включает гипероним «болезнь» и «неустойчивость» [12]. В основании формирования ассоциативных значений лежит не только восприятие состояния как болезни, но и неустойчивости — шаткости, невозможности твердо стоять на ногах. Второй ассоциат формируется на основании учета особенностей поведения человека, страдающего от заболевания.

аббревиация (лат. abbreviate сокращение) в биологии — сокращение цикла индивидуального развития органов или их частей за счет выпадения отдельных стадий онтогенеза, приводящее к недоразвитию или редукции органов у потомков.

Список литературы:

1. Абдурахманова М.У. Семантическое своеобразие межпредметных терминов и их лингвистические основы // Ученый XXI века. – 2020. – С. 83.
2. Абдурахманова М.У. Термин как номинативная единица языка // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2020. – № 9 (76) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/10702>.
3. Александровский Б.П., Соколовский В.Г. Словарь клинических терминов с переводным и толковым значением. 4-е изд. – Киев : Здоров'я, 1969. – 248 с.
4. Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методики в описании семантики слова : монография. – Воронеж : Истоки, 2016. – С. 11.
5. Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова: на материале психолингвистического эксперимента: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2017. – С. 11.
6. Колчина О.Н. Семасиологический и ономасиологический подходы к изучению языковой личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 3 (1). – С. 332–335.
7. Криничанский А.В., Богданова Л.А. Толковый словарь медицинских терминов. – Сочи : СОНЕТ, 1992. – 59 с.
8. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 7–29.
9. Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>.
10. Национальный корпус русского языка / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=JSONeyJkb2Nfc3BoZXJlJjogWyLQvdC10YXRg9C00L7QtC10YHRgtCy0LXQvdC90LDRjyJdfQ%3D%3D&mysent=&mysize=164025056&mysentsize=0&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=104443&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=абазия.
11. Русский ассоциативный словарь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>.
12. Словарь синонимов ASIS / В.Н. Тришин. – 2013 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/5015/астазия.
13. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания : монография. – Алматы : КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Полилингва, 2018. – С. 12.
14. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В.И. Покровский. 2-е изд. – М. : Медицина, 2001. – 960 с.
15. Online Etymology Dictionary / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=+basis>.
16. Online Etymology Dictionary / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=stasis>.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**ДОСТИЖЕНИЕ ЗАПЛАНИРОВАННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПУТЕМ
ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ****Кодиров Олим Одирович**

преподаватель,
Андижанский Государственный Университет,
Республика Узбекистан, г. Андижан
E-mail: ibulishev@mail.ru

**ACHIEVING THE PLANNED RESULTS BY TECHNOLOGIZING THE PROCESS
OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES****Qodirov Olim Qodirovich**

Teacher, Andijan State University,
Uzbekistan, Andijan

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы технологизации процесса обучения иностранным языкам в условиях роста роли и престижа английского языка в мировом сообществе, достижения запланированных результатов, повышение эффективности обучения, подготовки преподавателей иностранных языков, оснащенных передовыми педагогическими технологиями.

ABSTRACT

The article discusses the problems of technologization of the process of teaching foreign languages in the context of the growing role and prestige of the English language in the world community, achieving the planned results, increasing the effectiveness of teaching, training foreign language teachers equipped with advanced pedagogical technologies.

Ключевые слова: Языковые навыки, аудирование, говорение, чтение, письмо, АГЧП, прогноз, результаты, технологизация, технологический процесс.

Keywords: Language skills, listening, speaking, reading, writing, forecast, results, technologization, technological process.

По мере роста роли и престижа английского языка в мировом сообществе необходимо обеспечить его изучение в Узбекистане в соответствии с требованиями времени. В этом случае учащимся важно полностью овладеть каждым из четырех языковых навыков, которые играют ключевую роль в изучении английского языка. К этим навыкам относятся навыки аудирования (listening), говорения (speaking), чтения (reading) и письма (writing) (АГЧП), и эффективное овладение языком требует развития всех данных навыков. Проектирование и планирование на систематической основе посредством развития АГЧП требует подготовки учителей иностранных языков с необходимыми знаниями, навыками и компетенциями.

Таким образом, подготовка учителей иностранного языка требует решения следующих важных для системы образовательного процесса задач: обучать учителей иностранного языка категориям, правилам и методам технологизации образовательного процесса посредством развития АГЧП; формировать

у них знания, навыки и умения прогнозировать и конструировать результаты учебного процесса; развивать концептуальные основы образовательных технологий - передовых идей и концепций, разработанных в современных педагогических, психологических и филологических науках; обучать будущих учителей иностранного языка умению определять цели образовательного процесса и достигать запланированные результаты посредством образовательных моделей; обучать их прогнозировать, проектировать, планировать, отслеживать и оценивать результаты образовательного процесса, обучать на регулярной основе контролю за процессом развития АГЧП у учащихся; обучать инструментам и методам рефлексивного развития.

Основная цель внедрения новых педагогических технологий в процесс обучения иностранным языкам - обеспечить достижение запланированных результатов в текущих условиях и по учебной программе, тем самым повысить эффективность обучения, подготовив преподавателей иностранных языков,

оснащенных передовыми педагогическими технологиями, и с их помощью воспитать поколение профессионалов во многих отраслях социальной и экономической жизни страны, которые могут свободно говорить на иностранных языках, читать и понимать иностранную литературу. Технологический процесс предполагает планирование, разработку и применение дифференцированной – индивидуализированной, парной, групповой работы и работы всем классом, взаимодействия преподавателей с другими преподавателями и учащимися, основанных на принципах преподавания коммуникативных основ иностранного языка. Такая организация учебного процесса обеспечивает быстрое и системное общение между учителями и учениками, а также постоянный мониторинг, диагностику, экспресс-оценку и анализ уроков и текущих результатов учебного процесса и принятие оптимальных выводов по дальнейшей работе.

Обучение иностранным языкам в общеобразовательных школах предполагает проведение практических занятий, основанных на принципах гуманитарных наук, сформированных в науках философии, психологии, педагогики и филологии. При этом основной упор делается на самостоятельную учебную деятельность, учитывающую индивидуальные особенности и возможности обучающихся, четко ориентированную на самосознание и развитие независимого критического мышления. В процессе обучения иностранным языкам особое внимание должно быть уделено развитию ученика, его личности и коммуникативной компетенции. Поэтому при планировании уроков целесообразно выполнять следующие задачи: создать комфортную, благоприятную и коммуникационную среду для полноценного свободного и творческого развития обучаемого с учетом его природного интеллектуального потенциала, личности ученика, его целей, интересов, взглядов, отношения, сильных сторон и способностей. В процессе планирования и реализации образовательной технологии следует учитывать уровень знаний учащихся, их психологические и физиологические особенности. При организации учебного процесса следует принимать во внимание уровень развития каждого ученика и его способностей, помогать ему с определением уровня своих знаний и непрерывным развитием его интеллекта, контролировать и диагностировать его как личность, разрабатывать и внедрять общепедagogические технологии развития личностных качеств ученика с передовой коммуникационной компетенцией.

Коммуникативное обучение иностранным языкам означает планирование учебного процесса путем направления учеников и учителя к взаимодействию. Взаимодействие учебного процесса осуществляется следующими способами: преподаватель учит студентов критически анализировать полученные знания, работать самостоятельно, сравнивать полученные знания, вносить необходимые изменения, применять речевые знания и навыки в общении, повышать знания. В этом случае преподаватель должен быть организатором процесса обучения, консультантом и руководителем и фасилитатором.

Организация учебного процесса интерактивными методами (работа в парах, малых группах и всем классом) обеспечивает высокую активность и мотивацию ученика; в этом процессе поддерживается самостоятельная деятельность учащихся по применению полученных знаний, самовыражению и вступлению в коммуникацию с учителем и другими учащимися. На данном этапе ученик рассматривается не как пассивный участник, а как интерактивный человек, который глубоко понимает изучаемый материал, умеет применять их в речевом процессе и может делать независимые и правильные выводы. Планирование учебного процесса на практических занятиях, целью которых является обучение активному общению на иностранных языках, осуществляется посредством ряда концептуальных принципов коммуникативного подхода (CLT – Communicative language teaching) и обучения на основе заданий (TBL – Task based learning), которые признаны приоритетными в современной методике обучения иностранным языкам.

По мнению большинства ученых, эти принципы включают в себя: 1. Развитие процесса обучения с помощью АГЧП на основе конкретной темы и взаимодействия, коммуникативных упражнений и заданий, адаптированных к потребностям и способностям учащихся; 2. Индивидуальное и комплексное развитие навыков и умений в АГЧП; 3. Ориентацию процесса выполнения заданий, предусматривающих развитие самостоятельности учащихся; 4. Эффективное использование методик, учебных и наглядных пособий, раздаточных материалов и технических средств, позволяющих учащимся изучать новую лексику и повышать коммуникативные компетенции без использования родного языка в классе; 5. Учет потребностей и требований студентов и их индивидуально-психологических особенностей; 6. Обращение внимания на аутентичность информации при подготовке материалов урока, их соответствие уровню знаний конкретного класса учащихся, их интересам; 7. Обеспечение того, чтобы учащиеся использовали приобретенный языковой материал в классе и вне его; 8. Достижение критического подхода учащихся к заданиям урока; 9. Обеспечение ориентации образовательного процесса на развитие интеллектуальных и образовательных аспектов учащихся; 9. Рефлексивный анализ курса, запись достижений и недостатков. Коммуникативные навыки и компетенции, сформированные во время практического обучения, свободно могут быть использованы в реальных жизненных ситуациях.

В современных методиках обучения иностранным языкам понятие подходов к обучению (коммуникативный метод обучения, основанный на заданиях) используется в рамках концептуальных правил деятельности учителя по организации и управлению учебной деятельностью учащихся по определенной теме, направленной на оптимальное обучение. Метод обучения – это общий способ организации и управления совместной учебной деятельностью преподавателей и учащихся,

обеспечивающий достижение поставленных образовательных целей. Выбор того или иного метода основывается на намеченных целях и результатах на основе следующих критериев: достижимость цели путем решения заданий; простота и удобство применения; достижение наилучшего результата. Один из главных критериев - побудить (мотивировать) студентов работать в парах или группах, обмениваться идеями и таким образом развивать коммуникационные компетенции учащихся.

Интерактивные методы предполагают активное взаимодействие преподавателя с учениками и учащихся друг с другом во всех стадиях учебного процесса с целью развить АГЧП навыков учащихся. При этом подготовка учителей иностранных языков с необходимыми знаниями, навыками и компетенциями в проектировании и планировании процесса обучения иностранным языкам на систематической основе играет немаловажную роль в достижении цели развития преподавания иностранных языков.

Список литературы:

1. Bueno A., Madrid D., & McLaren N. (2006). TEFL in Secondary Education. Granada: Editorial Universidad de Granada.
2. Flowerdew J., Miller L. On the Notion of Culture in Second Language Lectures. *Tesol quarterly* 29 (2). January 1995. La
3. Hadfield J. Intermediate Communicative Games. Edinburg: Addison Wesley Longman Ltd.
4. Harmer J. The Practice of English Language Teaching. Essex, England: Pearson Education Ltd., 2007. Print.
5. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. China: Oxford University Press, 2005. Print.
6. Vandergrift L. (2003). Orchestrating Strategy Use: Toward a Model of the Skilled Second Language Listener. *Language Learning*, 53, 463-496. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-9922.00232>
7. Widdowson H.G. (2001). *Teaching a Language as Communication*. (12th ed.). Oxford: Oxford University Press.
8. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Крячко Владимир Борисович

канд. филол. наук, доцент
 Волжского политехнического института (филиала)
 Волгоградского государственного университета,
 РФ, г. Волжский
 E-mail: ya.usto@yandex.ru

Никитина Арина

студент 2 курса
 Волжского политехнического института (филиала)
 Волгоградского государственного университета,
 РФ, г. Волжский

Суркова Анна

студент 2 курса
 Волжского политехнического института (филиала)
 Волгоградского государственного университета,
 РФ, г. Волжский

THE CONCEPTOLOGY OF MANDELSTAM'S POETRY

Vladimir Kryachko

Candidate of Philology, Associate Professor
 Volzhsky Polytechnical institute (branch) Volgograd State Technical University,
 Russia, Volzhsky

Arina Nikitina

Student of 2 course,
 Volzhsky Polytechnical institute (branch) Volgograd State Technical University
 Russia, Volzhsky

Anna Surkova

Student of 2 course,
 Volzhsky Polytechnical institute (branch) Volgograd State Technical University
 Russia, Volzhsky

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматриваются четыре периода творческого пути О. Мандельштама: романтический (молодость), революционный (зрелость, пора разочарований), период репрессий (пора испытаний), мудрость пророка (профетический). Каждый период основан на культурных концептах, мотивирующих творчество поэта. Проведен анализ поэтических текстов Осипа Мандельштама.

ABSTRACT

This work considers four stages of the creative path of O. Mandelstam: romantic (youth), revolutionary (maturity, time of disappointments), period of repression (time of testing), the wisdom of the prophet (prophetic time). Each period is based on the cultural concepts that motivate the poet's work. An analysis of Osip Mandelstam's poetic texts is conducted.

Ключевые слова: концепт, концептология, антиконцепт, смысл, сема, репрессия

Keywords: concept, conceptology, anti-concept, meaning, sema, repression

Декодирование поэтических текстов представляет сложную задачу, растянутую во времени. Сложность заключается в том, что с новым прочтением открываются новые смыслы, которые несут культурные концепты – «многомерные смысловые

образования, в которых выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2, с. 109]. В основе концептологии – системная зависимость концептов, формирующих культуру и творческую направленность личности. Основная задача нашей

работы заключается в том, чтобы выявить эту зависимость и придать декодированию поэтических текстов О. Мандельштама концептологический характер.

1. Романтический период.

Его можно назвать золотым временем в творчестве О. Мандельштама, когда прекрасные *нежные* чувства переполняют юного поэта.

*«Нежнее нежного
Лицо твое
Белее белого
Твоя рука»* [4, с. 8].

Это время **любви**, которая наполняет пространство. Поэт чувствует ее повсюду и по-своему преломляет:

- в музыке и слове:

*«Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь»* [4, с. 12].

- в сердце:

*«Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито»* [там же].

- в отношении к природе:

*«На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели»* [4, с. 8].

- в отношении к родине:

*«Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал»* [там же].

С годами у Мандельштама обостряется чувство **времени**. Не то, чтобы его не было раньше. Просто оно наполняется беспокойством и томлением духа. В этом угадывается пророческий дар поэта, который наиболее полно раскроется в последние годы его жизни. Поэт признается в своей беспомощности перед ним.

*«Время срезает меня, как монету,
И мне не хватает меня самого»* [4, с. 94].

2. Революционный период.

Революция 1917 года никогда не была для О. Мандельштама ни отдушиной, ни обманутой надеждой, когда говорят словами С.С. Аверинцева о «сложном переплетении чувств» поэта в отношении гибели державного мира [1, с. 287]. Действительно, это было сложное время. Однако у этой сложности для поэта не было неопределенности. В своем отношении к ней О. Мандельштам выглядит более определенным, чем другие. Главное для него очевидно: любовь, творящая его мир и поэзию, кончилась.

*«И в декабре 17 года
Все потеряли мы, любя;
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя»* [4, с. 63].

В этом чувстве, детерминированном свободой, уже угадывается пророк, который в той или иной

мере присутствует в любом поэте. В стихотворении «Сумерки свободы» он называет это время: *«Великий сумеречный год!»* Поэт не питает иллюзий. Впереди – ночь и тяжелые испытания.

*«Прославим власти сумрачное время,
Ее невыносимый гнет»* [4, с. 66].

Но почему прославим? Зачем прославлять власть, к которой он тоже не питает иллюзий? Ответ следует:

*«В ком сердце есть – тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет»* [там же].

Для Мандельштама нет плохого времени. Есть плохие стихи. Всякое время имеет смысл, если рождает стихи.

Еще один яркий пророческий текст – стихотворение «Ленинград».

*«Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилков, до детских припухлых желез»*
[4, с. 114].

Оно пронизано потрясающей пророческой интонацией, которая сквозит в сумраке света обычного «декабрьского денька» и в «зловещей» символической цветовой гамме – деготь с желтком; в кандалном грохоте «цепочек дверных» [там же].

Поэт как будто призывает сам себя

*«Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешен желток»*
[там же].

Однако узнавания не происходит, и это равносильно гибели.

*«Петербург! Я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса»* [там же].
Сомнений нет – наступило время репрессий.

3. Период репрессий.

Ему посвящены несколько стихотворений, в которых нет пророческой интонации – только указание на факты. В русском языке на тот момент еще нет таких слов, но мы сегодня их знаем. В стихотворении «Старый Крым» – это **раскулачивание** и **голодомор**: «голодный Старый Крым», «виноватый», «на рубищах заплаты»; и **страх**: «голодные крестьяне калитку стерегут, не трогая кольца». Несуразной кажется сама весна: «Вчерашней глупостью украшенный миндаль», «Природа своего не узнает лица, и тени страшные Украины, Кубани».

Другое стихотворение – «Квартира тиха, как бумага». Здесь еще нет слова **репрессии**. Но о них, о репрессиях, красноречиво вопиют предикаты *«проклятые стены»*, которые *«тонки и некуда больше бежать»*;

наглая «комсомольская ячейка» и «вузовская песня», которых я обязан быть **наглее**;

«пайковые книги», *«пенковые речи»*, *«честный предатель»* (выделено **нами**). Последний предикат представляет оксюморон с извращенной моралью – разве бывает честный предатель? Оправдание находится тут же – «жены и детей содержатель».

«Колхозный бай» – тоже оксюморон – противоположное сочетание злой нищенской доли и барина-бая.

А кто такой «чернила и крови смеситель»? Сегодня мы можем назвать это слово: **доносчик** или в духе времени **стукач**. О стукачестве говорят и «**халтурные стены Московского злого жилья**» (выделено **нами**). Потому оно и злое.

Подобные слова и выражения (репрессии, донос, стукач), принятые по умолчанию, можно охарактеризовать как **антиконцепты**, поскольку они актуализированы на *страхе* и *лжи*.

Наиболее известным является стихотворение «Кремлевский горец», за которое О. Мандельштам заплатил жизнью. Б. Пастернак назвал его «актом самоубийства» [5, с. 783].

4. Мудрость пророка. В творчестве О. Мандельштама невозможно выделить некий профетический период, как таковой. В подобных выражениях мы можем говорить только о текстах, подчеркивая их профетический характер. В этом отношении особо хочется отметить «Стихи о неизвестном солдате», которые по сей день обладают высокой степенью непредсказуемости.

Чтобы ее снять, необходимо провести лексико-семантический анализ стихотворения. Каждая строфа, выражение или даже слово представляют собой аллерию, иносказание, за которым стоит та или иная сема. Например, сема предсказание или предвидение:

*«Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат»* [4, с. 192].

Выражение «неизвестный солдат», утратившее свою одиозность, сегодня, к сожалению, является

обыденным. Не случайно слово «знаменитая». Если на рубеже веков или еще при жизни поэта, выражение «могила неизвестного солдата» резало слух своей одиозностью, то после гибели поэта, оно перестало удивлять.

«Миллионы убитых задешево» – сема ‘жертва’.
«Неподкупное небо окопное» –

Небо крупных окопных смертей – сема ‘цена победы’.

За «тасмурным, оспенным < > гением могил» угадывается Сталин.’

*Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб – от виска до виска, –
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться в войска?* [там же]

Вопрос поставлен совершенно определенно – смысл жизни в войне? Разве человек рождается для того, чтобы видеть только войну?

Заканчивается стихотворение словами, собирающимися в сему ‘память’ [3].

*«Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотом:
– Я рожден в девяносто четвертом,
– Я рожден в девяносто втором...
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья – с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем».*

Таким образом, периодизация жизни поэта может быть представлена концептологически, то есть посредством цепочки культурных концептов, представляющих, по сути, его творческий путь.

Список литературы:

1. Безелянский Ю.Н. 99 имен Серебряного века / Юрий Безелянский. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Крячко В.Б., Инкин А.Н. Репрессированные слова в русских поэтических текстах // Современные научные исследования. Выпуск 1. – Концепт 2013. – ART 53575. – URL: <http://e-koncept.ru/article/967/> - Гос. Рег. Эл № ФС 77- 49965. – ISSN 2304-120X
4. Мандельштам О. Малое собрание сочинений / Осип Мандельштам. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 688 с.
5. Сарнов Б. Сталин и писатели: Книга вторая. – М.: Эксмо, 2011. – 832 с.

PAPERS IN ENGLISH**LINGUISTICS****GERMAN LANGUAGES****GAME EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES*****Tamara I. Nurusheva***

*Senior Lecturer,
West Kazakhstan University M. Utemisov.
Kazakhstan, Uralsk*

Karina R. Baimuratova

*Student, West Kazakhstan University M. Utemisov.
Kazakhstan, Uralsk
E-mail: baymuratova-karina@mail.ru*

**ИГРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**
Нурушева Тамара Ивановна

*ст. преп.,
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск*

Баймуратова Карина Русланқызы

*студент,
Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова,
Республика Казахстан, г. Уральск,
E-mail: baymuratova-karina@mail.ru*

ABSTRACT

The article is devoted to game educational technologies and their application in foreign language lessons. The article reveals the functions and value of game forms of learning in the educational process of a foreign language. Special attention is paid to the classification of language and speech games. Based on the analysis of existing classifications, the authors propose their own classification, focusing on creative and role-playing games in foreign language lessons.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена игровым образовательным технологиям и их применению на уроках иностранного языка. В статье раскрываются функции и значение игровых форм обучения в учебном процессе по иностранному языку. Особое внимание уделено классификации языковых и речевых игр. На основе анализа существующих классификаций авторы предлагают собственную классификацию, ориентируясь на творческие и ролевые игры на уроках иностранного языка.

Keywords: game technologies; classification of games; didactic games, role-playing games.

Ключевые слова: игровые технологии; классификация игр; дидактические игры, ролевые игры.

The game as a method of learning, the transfer of social experience, has been used since ancient times. In modern schools, play activities are used by teachers: – as

an independent technology for mastering the concept, topic, and even a section of the subject; – as an element of a more general technology; – as a lesson or part of it

(introduction, control) – as a technology of extracurricular work. Selevko G.K. gives the following definition of game technology – "this is a type of activity in situations aimed at recreating and assimilating social experience, in which self-management of behavior is formed and improved" [3, p.256].

The concept of "game pedagogical technologies" includes a fairly extensive group of methods and techniques for organizing the pedagogical process in the form of various pedagogical games. In contrast to games in general, a pedagogical game has an essential feature – a clearly defined learning goal and a corresponding pedagogical result, which can be justified, clearly identified, and characterized by an educational and cognitive orientation [2, pp. 140-146].

The place and role of game technology in the educational process, the combination of game and learning elements largely depend on the teacher's understanding of the functions of educational games. Special attention should be paid to such as:

1. Entertainment: the game is strategically-only an organized cultural space of entertainment for the child, in which he goes from entertainment to development.

2. Communicative: the game is a communicative activity that allows the child to enter the real context of the most complex human communications.

3. Self-realization of the child in the game: the game allows, on the one hand, to build and test the project of removing specific life difficulties in the child's practice, on the other-to identify the shortcomings of the experience.

4. Therapeutic: the game is used as a means of overcoming various difficulties that students encounter in the course of communication or learning.

5. Diagnostic: the game provides an opportunity for the teacher to diagnose various manifestations of the student (intellectual, creative, emotional, etc.).

6. Correctional: in the game, the process of making changes to the student's personal structure occurs naturally.

7. Interethnic communication: the game allows the student to assimilate universal values, the culture of representatives of different nationalities.

8. Socialization: the game is one of the best inclusion of the student in the system of social relations. The pedagogical value of the game, in our opinion, is that it is the strongest motivational factor, since the child is guided by personal attitudes and motives. Game technologies contribute to the actualization of various motives of educational activity and, above all, such as: - communication motives; - moral motives; - cognitive motives. The motivation of the game activity is provided by its voluntary nature, the possibility of choice and elements of competition, satisfaction of needs, self-affirmation, self-realization. One of the urgent problems of modern methods of teaching foreign languages is the organization of teaching children of different ages with the help of game technologies. The urgency of this problem is caused by a number of factors. First, the intensification of the educational process sets the task of finding means to maintain students' interest in the material being studied and to activate their activities throughout the lesson. Educational games are an effective means of

solving this problem. Secondly, one of the most important problems of teaching a foreign language is the teaching of oral speech, which creates conditions for the disclosure of the communicative function of the language and allows you to bring the learning process closer to the conditions of real learning, which increases the motivation to learn a foreign language. The involvement of students in oral communication can be successfully carried out in the process of playing activities. We propose to classify the games used in foreign language lessons into two main groups:

1. Didactic games, which should include grammatical, lexical, phonetic and spelling games that contribute to the formation of students' speech skills. Unlike games in general, a didactic game has an essential feature – a clearly defined learning goal and the corresponding result, which can be justified, highlighted explicitly and characterized by an educational and cognitive orientation. In and through the didactic game, players must learn something. For a didactic game, the following is typical: -connection with a specific educational goal; – the ability to repeat, interrupt or start again at any time – openness, i.e. the end of the game is not defined exactly; - following explicit rules that can be changed by the players; - satisfaction with participation, no "consequences" for the players (do not evaluate this activity in any way). In our opinion, the fundamental difference between didactic games and exercises and tasks is that: First, there is no set pattern of behavior in the game, and the participant chooses a possible variant of speech interaction and evaluates the result of its implementation. The only constraint on the content and form of the game is the educational material (the topic of the lesson, the goal, the planned results). Secondly, the game, as a rule, is competitive, competitive in nature. The student, entering into relationships with partners in the game, evaluates their strength not only in comparison with other players. The game allows him to objectively assess his capabilities. Third, in the game, students learn interpersonal and group communication, learn to choose the best means of solving (linguistic and non-linguistic) conflict situations. In the game, the ability to correlate their actions with the actions of other players is formed, i.e. to cooperate. Didactic games used in foreign language classes G. Heyd divides into two large groups:

1) "games with language material" and 2) "games in language" [4].

The first correspond to classes aimed at systematizing the language material. At the same time, much attention is paid to the knowledge of grammatical rules. Therefore, such games are well suited for training at the initial stage, but also for training individual structures at an advanced stage. Games with language material can be fully programmed, and therefore controlled. Wagner V.N. calls such games "transformed exercises", which do not have a game character, but only because of the presence of a competitive element are transformed into games. The author notes, "the closeness of games, the leading role of the teacher become the reason for the unsuitability of games of this kind for the lessons of conversational practice" [5].

But this does not mean that they cannot be successfully applied for certain purposes. Games with language material are introduced formally for educational purposes and serve both to consolidate structures and grammatical rules, and to automate certain speech skills. The goal of the game and its progress can be easily planned in advance and clearly explained. They are suitable for teaching purposes in traditional classes. Games of this kind contribute to the systematization of foreign language material in a simple game scheme: bingo-lotto, games in pairs, board games, crosswords, etc. Most often, these games are introduced to train spelling or systematize vocabulary. Didactic games "in the language" are used primarily to strengthen the skills of listening, reading, speaking and writing. Didactic communicative games involve such an organization of joint communicative activities of the teacher and students, during which the features of the speech behavior of schoolchildren are simultaneously manifested and foreign language communication skills are formed.

2. Creative, role-playing games are one of the ways to learn foreign languages. Concepts such as role-playing, simulation, drama, and play are often used interchangeably, but they actually have different meanings. The difference between role-playing games and simulations is the authenticity of the roles performed by the students. When simulating, students play their natural role, in other words, the role they play in real life (for example, the role of a buyer or booking transport tickets). In a role-playing game, students play a role that they do not play in real life (for example, the prime minister or a rock star). A role-playing game can be considered as one of the components or an element of a simulation. Thus, in a role-playing game, participants assign roles that they play out within the framework of the scenario. In the simulation, the focus is on the interaction of one role with other roles, rather than on playing out individual roles. In one way or another, role-playing prepares students for social interaction in a different social and cultural context. Role-playing is thus a highly flexible learning activity, with a wide range of opportunities for variety and imagination. In role-playing games, various communication techniques are widely used, thereby developing fluency in the language, interaction in the classroom and increasing motivation. Role-playing improves the conversational skills of students in any situation, because almost all the educational time in the role-playing game is devoted to speech practice, while not only the speaker, but also the listener is as active as possible, since he must understand and remember the partner's remark, correlate it with the game situation, determine how relevant it is to the situation and the task of communication and correctly respond to it. As for shy students, role-playing helps by providing a mask with which students with communication difficulties are released. It's also fun, and most students will agree that having fun leads to better learning.

In turn, role-playing games can be classified as follows: 1. Short-term role-playing game, which is the easiest and fastest way to conduct a game lasting from 10 to 30 minutes. It can be built on the basis of text or dialog. An example of this game can be presented in the

form of an interview. Students are divided into pairs, after which they are given pictures depicting various problematic situations (environmental pollution, deforestation, lack of food in zoos). One of the students takes the role of the interviewer, the other the role of the respondent. The task is to describe the problem and offer its solution. The game component consists in the fact that experts are also appointed among the students, whose task is to create a criterion for evaluation and then evaluate all the speakers and point out the mistakes made. In the course of this game, there is also a high motivation and desire of students to show themselves, because one of the evaluation criteria can be artistry. 2. A full-fledged role-playing game in which students are given a description of the situation and their roles. The duration of this type of game takes an average of one or two lessons. As an example, consider verbal role-playing games. This archetype of games occurs through the verbal interaction of participants describing the actions of their game characters, and a mentor, in the role of which a teacher can act, describing the realities of the game world. One of the most famous board word games is "Mafia". The role-playing game "Mafia" is very popular around the world, and allows you to play it, both in class and in extracurricular activities using the Internet. Students, paying attention to the course of the game, begin to speak spontaneously. Their goal is to convince the other players that this or that participant is a mafia/ doctor/sheriff. The use of this game in the framework of the lesson helps students to develop their communicative competence, teaches them to defend their point of view, convince and encourage them to take the initiative.

3. Long-term role-playing games are a more complex type of games that take place in the duration of a series of classes or more. When preparing long-term role-playing games, the teacher should provide students with handouts, familiarize students with the game setting through Case Study, and provide students with a clear definition of the game situation. In this archetype of games, students are given the opportunity to create their own game character. Students can choose their gender, race, age, and profession depending on the game offered. An example of these games is the Dungeons and Dragons series, a tabletop role-playing game. In D&D, students try on the role of fantastic heroes with their own skills and characteristics. The teacher takes on the role of a mentor who creates and describes an adventure in which the student characters take part, setting goals for them to complete and giving rewards for motivation. The goal of this game is to get students to work together, solving problems and puzzles that the teacher puts in front of them in the process of learning the world of the game. Thus, allowing you to achieve the main goal-the development of communicative competence. The characters created by the students in the course of this game can be used in subsequent lessons, giving students the opportunity to be whatever they want, thereby turning monotonous stories about themselves into fascinating stories.

4. Computer role-playing games. In our time, it is difficult to imagine a person unfamiliar with computer role-playing games. Moreover, in the XXI century, the child spends most of his free time at the computer.

It is computer games that can serve as motivation for a student learning a foreign language and play a huge role in his self-development. For those teachers whose students have free access to the Internet, computer role-playing games can be a good choice. These games give interested students the opportunity to establish direct contacts with people from all over the world who have common interests, but who must use English to communicate, thus emphasizing the value of learning the language beyond school grades. Most computer role-playing games have the ability to train both listening and reading skills. The games have a lot of stories, dialogues, screensavers, presented in a foreign language. Of course, using a computer role-playing game to learn grammar is difficult, but creating an algorithm for training exercises is quite possible for an experienced teacher. An example of a computer role-playing game can serve as Minecraft. This game is made in the style of a sandbox, where participants can build and survive, cooperating with other players. Computer role-playing games with the right approach can help students learn not only a foreign language, but also history, geography and other subjects,

as well as contribute to the formation of metasubject skills of the student. However, when using computer games, it is important to follow the rules that help to preserve the health and vision of students, as well as not to let a good hobby tear them away from reality.

Thus, game technologies occupy an important place in the educational process. A wide selection of role-playing games allows you to use them in any part of the curriculum. At the same time, they are a very useful tool that makes learning a foreign language interesting and memorable. Role-playing games provide a positive emotional state of students and a communicative orientation of the lesson. Play activities are the most attractive for schoolchildren, which affects the effectiveness of teaching a foreign language. Games have a positive effect on the formation of students' cognitive interests, contribute to the conscious development of a foreign language. They promote the development of such qualities as independence, initiative, and the ability to work in a team. Students actively, enthusiastically work, help each other, listen carefully to their friends, and the teacher only manages their educational activities.

References:

1. Gornakova N.V. Game technologies as a method of competence approach. – URL: <http://festival.1september.ru/articles/596556/>
2. Mikhailenko T.M. Game technologies as a type of pedagogical technologies // Pedagogy: traditions and innovations: materials of the International Scientific Conference (Chelyabinsk, October 2011). - T. I.-Chelyabinsk : Two Komsomolets, 2011. - pp. 140-146.
3. Selevko G.K. Modern educational technologies: textbook. manual. - M.: Public education, 1998 – - 256 p.
4. Heyd G. Deutsch lehren. – Frankfurt am Main, 1990. – 208 S. 5. Wagner J. Spielübungen und Übungsspiele im Fremdsprachenunterricht. Materialien Deutsch als Fremdsprache. Heft 10. – Regensburg: DAAD, 1979.
5. Wagner V.N. Methodology of teaching Russian to English-speaking and French-speaking people on the basis of interlanguage comparative analysis: Phonetics. Graphics. Word formation. Sentence structures, word order. Parts of speech: Studies. Manual for students. higher. studies. institutions. - M.: Humanit. Izd. Tsentr VLADOS, 2001. - P. 316-328.

**LANGUAGES OF THE PEOPLE OF FOREIGN COUNTRIES OF EUROPE,
ASIA, AFRICA, NATIVES OF AMERICA AND AUSTRALIA (WITH INSTRUCTIONS
OF CONCRETE LANGUAGE OR A LANGUAGE FAMILY)**

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.51-58

**A NAME STUDY OF “BURQAN QALDUN” IN THE SECRET HISTORY
OF THE MONGOLS**

Ravdan Enkhbayar

*Emeritus Professor of National university of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar*

E-mail: ravdan2000@yahoo.com

Enkhjargal Purev

*Associate Professor of National university of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar*

E-mail: puenkhjargal@gmail.com

Oyunsuren Tsend

*Associate Professor of National university of Mongolia,
Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar*

E-mail: oyun1827@gmail.com

**ИССЛЕДОВАНИЕ НАЗВАНИЙ «БУРКАНА КОЛДУНА»
В СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ МОНГОЛОВ**

Равдан Энхбаяр

*почетный профессор
Монгольского Государственного Университета,
Монголия, г. Улан-Батор*

E-mail: ravdan2000@yahoo.com

Энхжаргал Пурэв

*канд. филол. наук, доцент
Монгольского Государственного Университета,
Монголия, г. Улан-Батор*

E-mail: puenkhjargal@gmail.com

Оюунсүрэн Цэнд

*канд. филол. наук, доцент
Монгольского Государственного Университета,
Монголия, г. Улан-Батор*

E-mail: oyun1827@gmail.com

ABSTRACT

In the present article, we aim to explain the name “Burqan Qaldun” in the Secret History of the Mongols, which is a major piece of historical, linguistic, and cultural heritage in Mongolia, based on the ideas of previous researchers and the theory of spatial name studies. While we fully accept the propositions of previous researchers regarding burqan-burgas, we also propose a three-stranded notion of burqan-tenger-ovoo by relating the term to the ancient act of worshipping “Ovoo” (a sacred pile of stones). The name Qaldun is considered in accordance with the systemic principle, which states that in any language, a proper name consists of the proper name and base name. We attempt to prove this hypothesis using evidence from Mongolian geographical names.

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы стремимся объяснить название «Буркан Колдун» в «Сокровенном сказании Монголов», которое является важной частью исторического, лингвистического и культурного наследия Монголии, основываясь на идеях предыдущих исследователей и теории исследования пространственных названий. Хотя мы полностью принимаем предположения предыдущих исследователей относительно буркан-бургас, мы также предлагаем трехцепочечное понятие буркан-тенгер-овоо, связывая этот термин с древним ритуалом поклонения «Овоо» (куча камней).

Название «Колдун» рассматривается в соответствии с системным принципом, который гласит, что в любом языке имя собственное состоит из имени собственного и основного имени. Мы пытаемся доказать эту гипотезу, используя в свидетельство монгольские географические названия.

Keywords: Burqan, tenger, ovoo, willow, worship, Secret History of the Mongols.

Ключевые слова: Буркан, тенгер, овоо, ива, поклонение, Сокровенное сказание Монголов.

Introduction

The Secret History of the Mongols is a primary source document that describes and contains multifaceted social phenomena, including the medieval Mongolian language, folklore, script, traditions, history, religion and military information. This source is worth studying in numerous scientific disciplines. Since essential evidence of Mongolian geographical names is maintained in this sourcebook, it has a significant importance for determining macro-object names as well as their origins and locations and is beneficial to not only linguistics but also society and culture.

In the sourcebook, the name Burqan Qaldun is mentioned 26 times in 11 different forms, namely *Burqan Qaldun* (2 times, Chapter I-5), *Burqan Qaldunaa* (2 times, Chapter I-1, Chapter II-103), *Burqan Qaldunaas* (2 times, Chapter II-97, 102, IX-211), *Burqan Qaldunii* (7 times Chapters I-9 & 89, III-106 & 107, III-115), *Burqan Qalduniig* (4 times, Chapters II-102 & 103, III-111, VIII-199), *Burqan* (2 times, Chapters II-100 & 101), *Burqanaa* (1 time, Chapter II-103), *Burqaniig* (3 times Chapters III-112, IV-145, VIII-205), *Burqan deer* (1 time, II-103), and *Burqan deerees* (1 time, Chapter II-103). Burqan Qaldun is related to an important part of Euro-Asian history in the XII-XIII centuries, the Mongols who defined the history of that time period, the Great Mongolian Empire and the life of Great Khan Chinggis. Therefore, Great Burkhan Qaldun (Burqan Qaldun) was registered as a UNESCO World Heritage site because of its relation to Mongolian traditions, original views, beliefs, culture, literature and historical publications. Burqan Qaldun is still a state-worshipped sacred mountain in Mongolia.

An Overview of Geographical Name Studies on the Secret History of the Mongols

In the Secret History of the Mongols (hereafter abbreviated SHM), the historical plot takes place in a vast area. According to some researchers, the area covers seven thousand kilometres from the Yellow River in eastern Asia to the Dnieper River in Europe and another three thousand kilometres between the Indus River of South Asia and Lake Baikal in Central Siberia. It is not a straightforward issue to define the geographical location by tracing the time period of the events that occur in the area that stretches thousands of kilometres. The research on the SHM, and specifically on its geographical names, began to intensify from the middle of the 20th century.

In 1926, Vladimirtsov B.Ya full member of the Academy of Sciences of the former Soviet Union, concluded that the names used in the SHM were losing meaning in terms of the situation before the middle of the 20th century. Since that time, the situation has changed significantly. In the present article, we have selected and briefly discussed three substantial studies among the complex research work on SHM (in other words, the research work studying all or a number of geographical names concurrently). Subsequently, the research overview on *Burqan Qaldun* is comprehensively given.

According to our literature review, it is possible to consider the article of 1956 titled “*On some geographical names in the ĴAMI’ AL-TAWĀRĪX-HJAS*” by Poppe Nicolas, a professor at Washington University in the USA, to be the first substantial publication on the matter. In his article, Poppe N. dealt with a few geographical names used in an acclaimed work titled *Ĵami’ al-tawārīx* by Rashid al-Din, which is considered to be not only the essential historical source for information on 14th-century Mongols but also a valuable source of information on the Mongolian language. Poppe N. stated that his goal was to show a number of ancient names that were not changed, although many ancient names of lakes, rivers and other geographical features were either altered to other names or evolved. Poppe N. expressed his views on the following names: *Burqan Qaldun*, *Kōl Barıujın Tıhım*, *Kel̄ren*, *Onan*, *Čikō*, *Qılqo*, *Qara*, *Kirquču*, *Kirqutu*, *Talat* (*Talan*, *DalanBaljūt*), *Kōke na’ur*, *Küyin* and *Qala’aljin elet*. The author clarified the abovementioned names in terms of the transcription by Rashid al-Din, the names’ current pronunciations and the Mongolian geographical name tradition. Moreover, Poppe N. conducted field research for observing and defining the geographical names based on the appearance of the rivers and lakes. There have not been many studies either based on the historical sources written by Rashid al-Din or in the Arabic and Persian languages. Thus, this work is still valuable.

Other work was conducted by the Mongolian scholar Perlee H. and published in 1958. Perlee identified 92 names that were used in the SHM in accordance with latitude and longitude and suggested the exact location of origin of approximately 40 geographical names.

The study of the SHM and research on the geographical names included in it have been increasing since 1990, and various publications on the subject have

been issued in Mongolia as well as in other foreign countries. An Inner Mongolian researcher of PRC, Belguudein Buhhad N. [2010], thoroughly stated his views on the geographical location of the undermentioned names in the second chapter, titled “The Relation of Some Geographical Names of SHM with Uzemchin, a sub group of Mongolia”, of a publication titled “Investigation of the Secret History of the Mongols”. Belguudein Buhhad N. used the Chinese transcription of the SHM as the primary source and was mainly based on the publications previously specified by us that included those written by Perlee H. [1958], Eldendei and Ardaajav [1986], Van Guevei [1979], Saishaal [1987], Injanashi [1981], and Tserensodnom D., all of whom believed that the following geographical objects are located in the Uzemchin territory of Inner Mongolia, PRC: *Avjiga gudger, Alhui bulag, Argal Huhii, Ulaan Burhad, Olhui gol, Otgia, Berhiin eled, Hal Halzad eled, Muu Undur, Derset, Tulhichinguud, Temeen heer, Tsegtser uul, Tsegtseriin Shar heer, Chihuurh and Jigjer Undur*.

An Overview of the Proper Noun “burqan” in the Collocation of “Burqan Qaldun”

Several foreign and Mongolian researchers have expressed their views on this particular name study. These various views can be divided into three main trends: 1) *Burqan–Buddha*; 2) *Burqan–Willow tree*; and 3) the ancient Mongolian language root *bur-*. These trends are discussed in detail below.

1) The suggestion of “*Burqan–Buddha*” by Poppe N. in 1956 is one of the earliest opinions. Poppe N. wrote that “the legendary ancestor of the Mongols, Qorilartai Mergen, moved from there to the mountain Burqan Qaldun. This name means ‘Buddha mountain or the divine mountain’” (Poppe N., 1956, p. 34). The Sanskrit meaning of *Burqan*, “to spread holiness, to be divine”, is clear to all of the currently involved scholars, and there seems to be no dissent on this for the time being. One such example is the work by the acclaimed scholar Rinchen B., published in 1950 in Budapest. He was certain of the meaning of *Burqan–Budda* and discussed the word *qaldun* comprehensively. (This is discussed further later.) It is undeniable that the confidence expressed by His Excellency Rinchen B. on the modern meaning of Burqan might have influenced Poppe N. On the other hand, Poppe’s explanation of the word *qaldun* in terms of the meaning of *Daguryn burgas* (*Dagur’s Willow Tree*) could later have become the basis for relating *burgas* to burqan. However, it is interesting that some years later, Poppe N. wrote about His Excellency Rinchen B.’s *burgas*. He acknowledged that “it is possible that *qaldun* is a particular kind of mountain covered with willow tree groves, but not the willow tree itself, because in the Sacred History the word *qaldud* is the ‘slopes. I visited the ruins of Tsaghan Baishing in 1926, and I know that area well. I still remember that in that place, the valley of the Tūla River (Tuyula) is very wide and the ruins are on the left bank of the river, at the bottom of a chain of hills rising on the left, i.e., west. The nearest hills are absolutely bare of any vegetation, but at the bottom of the hills and rocks closest to the water, there is a dense grove of willows.”

Furthermore, the correlation between the meaning of *qaldun* and the geographical base name suggested by Poppe N. is considered to be a fundamental idea according to our views, as discussed later. Additionally, scholar Gaadamba Sh. regarded *burqan* as having the same meaning as *burqan tenger* (burqan sky).

Finally, to emphasize this, it is worth mentioning that for generations, Mongols, particularly today’s Mongols, have kept *Burqan Mountain* as *burqan–shuteen* (worship) in their minds, and it is not wrong for them to have done so. All in all, *Burqan Qaldun Mountain* is a divine mountain according to all of the different explanation trends.

2) The name etymology of *Burqan Qaldun* is the same for the two following trends of thought. The first is the idea that the name *burqan* originated from an ancient Mongolian root that formed before the Buddhist religion. According to scholar Dulam S., the difference is that the name *burqan* originated from a root meaning bushes that grow densely in mountains and wild places, and he confirmed this by referring to the explanation of scholar Tsevel Ya. (Other researchers have explained the ancient *bur-* root differently in relation to the development of the Mongolian language, as is discussed later.) The idea of connecting the name *Burqan* to *burgas* (willow trees) was supported by citing relevant phrases and examples such as the fire ritual, folklore, ancient poetry and ancient Mongolian burial rituals; the word was considered to have the meaning of *Uvgudiin burgastai uul* (Ancestors’ mountain with willow trees). We think it is worth mentioning again that the idea, which is related to willow trees and ancestral burials, was translated from the section of the SHM about *Burqan Qaldun Mountain* in the Rashid al-Din publication in the English language by Poppe N., which was previously cited by us, namely that “there is a big mountain in Mongolia called the *Burqan Qaldun*. Many rivers flow down from one slope of this mountain. There is an immense number of trees and many forests along those rivers. In those forests, the Taiči’ut tribes live. Činggisi Qan chose a place there for his burial and ordered: ‘Our burial and that of our *uruy*’ shall be here!”

It is worth mentioning that the corresponding idea was previously proposed by several scholars before the publication by Dulam S. There is also noteworthy evidence that it was written as “*burqad*” and explained as “*burgasun*” in the ancient historical source Luvsandanзан “Altan Tovch”. Moreover, the Inner Mongolian researchers Bayar and Mansan transcribed the name “*burqan*” as “*burgasun*” or “*burgas*” when the SHM was transliterated into the modern Mongolian language. Eldendei and Ardaajav also transcribed the word as “*burgad*”. This idea was explained by relating the name to *Ulaan burqad* used in the SHM by Belgunudei Buhhad N.

3) Some have correlated the name *Burqan* with the ancient Mongolian language root *bur-* because of linguistics and word etymology. An overview of this idea, as stated in the following outline, was thoroughly stated in detail by the scholar Bazarragchaa M., and the main ideas of the dominant researchers are briefly discussed here. Uuganbayar M. acknowledges that *Burqan Qaldun* is a collocation and that its meaning is a burial ground

and an ancestral spirit (*burqan* means forefathers and *qaldun* means old women). Tsetsentsogt Sh. states that *burqai* means great-great ancestors. Eldendei and Ardaajav explain that *burqai* means great-great forefather. Tserensodnom D. relates the name *burqan* to the ancient Turkic and Mongolian language root denoting “dun”, and Bazarragchaa M. explains that *burqai* is connected to the ancient root of the figurative word. Jin Gang remarks that *burqan* means *күке буға*.

An Overview of the Proper Noun “Qaldun” in the Collocation of “Burqan Qaldun”

The explanation of the proper noun *Qaldun* is much more complicated than that of the proper noun *burqan*. Therefore, very few different suggestions were offered by the researchers. We mentioned that for the very first time i.e., in 1950 His Excellency Rinchen B. related the proper noun to the “willow tree”, whereas in 1956 Poppe N. explained it as “a slope of a mountain”. The latter researchers’ opinions differ from each other, and they are unique.

Dulam S. in our previously quoted publication wrote the following: “Wörterbuch zu MANGHOL UN NIUCA TOBA’AN (YÜAN-CH’ANO PISHI) Geheime Geschichte der Mongolen, Franz Steiner Verlag GMBH, Wiesbaden, 1962, p. 57 (The dictionary of the Secret History of the Mongols) Henish E. explained the words as the following, namely: *qaldun* means drägend, hastend (to crowd), *haldut* (the plural of the previous word), Abhänge (side of a mountain), Felswände (cliff, mountain), Pelliot explained *la montagne* (mountain) in the French language translation of the Secret History of the Mongols, His excellency Damdinsuren Ts. wrote it as ‘cliff dwelling’ when he transliterated the Secret History of the Mongols into the modern Mongolian language.” After giving a short overview of the researchers’ opinions related to the mountain and cliff, he proposed relating the *qaldun* name to a kind of tree based on the phrase “Han Hentii Guardian Spirit with *Qaldun* Tree Label”, which is used in the evocation of the Han Hentii Guardian Spirit. Since Uuganbayar M. realized that *burqan* is fathers and ancestors, *qaldunis* is old ladies, old women and queens. Uuganbayar’s idea was supported by Bazarragchaa M., and the former proved that the name *Burqan Qaldun* is the collocations of male and female and fathers and mothers. Bazarragchaa M. wrote in his publication that Chagduraev S. considered the name to mean the *queen*. It is noteworthy that His Excellency Gaadamba Sh. contemplated *qaldun* as “a burial place of worship”.

Discussion

“Burqan” in the collocation of “Burqan Qaldun”

We fully support the aforementioned concept on the correlation of *burqan-burgas* suggested by previous researchers, and we proposed a triple notion of *burqan-tenger-ovoo* several years ago in accordance with modern onomastics, in particular, the name structure of geographical names.

Burqan, *tenger* and *ovoo* worship may date back to at least the late period of the Old Stone Age. Chinese researcher He Xing Liang wrote an explanation for ancient Australian worship in his publication named “Ancient Chinese Totem”.

A researcher named Sainjargal stated that the acclaimed scholar Zen Si Gu from the Tan Dynasty wrote a description of Hunnu’s tradition, which says that “if there is no tree, a branch of a willow tree is inserted for a replacement. Numerous horsemen stop after circling three times. It is their inherited tradition.” On the other hand, recent publications by researchers studying Shamanism and *Ovoo* worship have proven that the act of worship was a common phenomenon across mankind. Indeed, He Xing Liang [1992], Magdalena Tatár [1976] and Ganzorig D. [2008] mentioned that Australians, Indians, the Chinese, and Tibetans as well as different nationalities and ethnic groups of Siberia partook in *Ovoo* worship.

While that may be, three names, namely, *burqan*, *tenger* and *ovoo*, are very ancient names related to the act of worship. Although some etymological varieties of the first two names were proposed by researchers, the origin is vague, and the root of the language is still unclear. In terms of the name *Ovoo*, various researchers have offered different roots as the word origin, namely, Maidar D. and Darisuren L. considered the word origin to be ‘ovoohoi’ (a Mongol tent without the walls set up for temporary use) [1987], Tsetsentsogt suggested that the word origin is ‘ovog’ (clan) [1988], and Jin Gang considered the word origin to be ‘övög’ (ancestor) [1999]. However, the researchers fully agree that the origin of the word ‘*Ovoo*’ is a native name rooted in the Mongolian language. The name “*Ovoo*” was used in a few languages, particularly Chinese and Korean languages, quite early. According to the Qing Dynasty Rule System written in the year 1684 i.e., the 28th year of Emperor Kangxi, which is considered to be one of the source books on *Ovoo* in the Chinese language, “*Ovoo* is a heap of stones piled by the nomads marking the territory boundary in places where no mountains and rivers are” [1684]. Ao Bao (敖包) is a Mongolian transliteration of the Chinese word meaning *Ovoo*. There is another transliteration of “ao bo” (奥博). In the Korean language, it became ol, which is 1. a peak of a mountain, and in the Jeju dialect, the meaning was altered to 2. ‘mountain’ (orim—the pronunciation of the word). Likewise, there is considerable evidence of the use of ‘ovoo’ in the form of the Mongolian word for naming geographical features in a number of western countries during Chinggis Haan’s conquering in the Middle Ages. Since *Ovoo* worship is an ancient act, in the Mongolian language, “*ovoo*” was for as “*burqan*” and “*tenger*”, or these two words might have been used in parallel at certain times in history. The meaning of these names was “*ongon*” (totem), “*shuteen*” (worship), “*suld*” (protective genius) and “*ezen sahius*” (shamanist spirit), which denote a having a magic power for attaining salvation, averting evil and summoning good fortune by beckoning. Each word is discussed below in detail in order to ascertain the concept of each.

Burqan. One quotation from the SHM is “Qorilartai-Merkan Qori-Tumadun qajar-turiyan buluqan keremun koree-tai qajar-iyen qorilalduju maoulalduju, Qorilar oboqtu bolju, Burqan-qaldun-no koreesun koruuli saitu, qajar sain, keen, Burqan-qaldun-no Ejet Burqan bosqaqsan (=erected ovoo R.E.) Šinči-bayan-

uriyanqai-tur nouju aisun ajuu.” On the one hand, it is indisputable that the abovementioned word “*burqan*” was the word and concept used before the spread of Buddhism. On the other hand, there is a high probability of semantically matching “*erecting burqan*” to “*shuteent* (worshipped)”, “*ezen sahiust* (guardian spirited)” and “*totem*”, the last of which is equivalent to “*spirit of mercy*”, as noted by Purev O. Such supporting evidence can be found in the SHM. One such piece of evidence is the following:

Temujin: “Tede qurban Merkit maqat keyjt-tur-iyen ajiraba-yu, bukcu-u amui?” keen, Belkutai, Boorcu, Jelme, qurban-i, Merkid-un qoinača uqauta qurban qonoq daqaulju, Merkid-i kunkeulju, Temujin **Burqan deereče baouju** (=going down Ovoo R.E.), ebču-ben moeletču, ukulerun:

[...] “Qaldun-burqan-na
 Qarča-in tedui amin-iyen
 Qalqalalaqdaba je bi!
 Магй агуулдaba би!
 Burqan-qaldun-i
 Manaqar buri maliyasuqai,
 Udur buri očisukai!
 Uruq-un uruq mino uqatuqai!”

keen, naran eskeru buse-ben kujuun-duriyen erikeleju, malaqai-ban qar-turiyen seejikeleju, qar-iyen ebču-duriyen moeletču, naran juk yesunte soketču, sačuli očüli okba” (I climbed the Qaldun On one horse, following elk tracks; A shelter of broken willow twigs I made my home. Thanks to Qaldun Burqan My life, a grasshopper’s life, Was indeed shielded! But I was greatly frightened. Every morning I will sacrifice to Burqan Qaldun, every day I will pray to it: the offspring of my offspring shall be mindful of this and do likewise! He spoke and facing the sun, hung his belt around his neck, put his hat over his hand, beat his breast with his fist, and nine times kneeling down towards the sun, he offered a libation and a prayer. (Translation by Igor de Rachewiltz) were asseverated, and Temujin made a spiritual sprinkling.

If so, in “The Thematic Dictionary of Mongolian Geographical Names”, which we compiled (Ulaanbaatar. 2004, 8 volumes), there are a total of 325 names consisting of the words “*burqan*”, “*burqant*”, and “*burqantiin*”, namely, 67 mountains, 116 hills (knolls), 7 mountain passes, 3 mountain ranges, 34 mountain valleys and 15 wells are registered. Despite the fact that it is impossible to define a name alteration in accordance with its historical time period, this evidence is not forthcoming. The abovementioned words all have the compound meaning of “*shuteent*” (with worship), and it is undeniable that there can be geographical names such as Burqan Qaldun that were used during the medieval period or before.

According to the contemporary Mongolian geographical name list containing the word “*burqan*”, the name “*burqan*” has not been used as a base noun. This is definitely related to the semantic evolution and alteration of the name, which was later used to mean: 1. King of all people or an enlightened or awakened sentient being according to Buddhist principles; *burqan* bagsh (Buddha), *burqant gazar*, *bug chutgur* (good and bad sides), 2. Various items of figures and portraits depicting religious beliefs: *burqand murguh* (pray to God), *shavar burqan*

(Buddhist image created out of clay), *zurmäl burqan* (Buddhist images), or 3. Bunhan; burqan suvruga. It is worth emphasizing that the current meaning of the word “Burqan” still carries the aforementioned ancient meaning of “bunhan (tomb); burqan suvruga (pagoda)”.

Heaven. According to Shamanism, six great kings occupy the world. One of them is the King of Heaven, who exists in the heavens, and the other five kings include the king of humans living on the earth and the great kings of water spirits, carnivores, winged creatures and reptiles. The King of Heaven quenches all of the other kings’ thirst, including that of the water spirits, and nourishes them with his rain water; because of that last quality, the King of Heaven is intimately connected to the earth. Thus, he is the male origin of evolving life and rules over all. In other words, the notions of heaven and the earth are integrated, so the act of worshipping them is also unified, according to Purev O. and other researchers. In today’s world, it is not unusual to call “Ovoo tahi” (the act of Ovoo worshipping)”, “*tenger tahi* (the act of Heaven worshipping)”. For example, the Oirats still say “*tenger murgunu*” or “*tengert murgunu*” (pray to sky). Furthermore, there are some related expressions in a commandment for worshipping Bogd Han Hairhan mountain, Han Hentii mountain and Otgon Tenger mountain issued by the Bogd Khan. The related expressions are as follows: worship “*uuliin tenger*” Bogd Han Hairhan mountain and Han Hentii mountain twice, once each in the summer and winter of each year at the same time as the previous year, *tengeriig taih terguun said*, *tengeriin tailahuid*, *uulsiin tengeriig taih tsorj lam*, *uuliin tengeriig taih*, etc. Hence, the notions of “*tenger taih*” and “*ovoo taih*” are interchangeable on some occasions.

Based on the previous statements, the meaning of “*tenger*” studied here is seemingly closer to the word “*ovoo*” than to the word “*burqan*”. This can be proven by using the reflecting feature of current Mongolian geographical names. In our dictionary, some evidence of “*tenger* (heaven)” have been used in two different ways as a base noun and as a proper member. Altogether, 9 names, including *Gun Nuuriin tenger*, *Ih tenger*, *Muhar tenger*, *Nuhmel tenger*, *Otgon tenger*, *Suvene Ulaanii tenger*, *Sulen Ulaanii tenger*, *Haltariin tenger*, and *Tsagaan Buluunii tenger* in the territory of the Urganal, Otgon, Durvuljin and Telmen local administrative units of Zavhan Province are registered as having the base noun function. In addition, there are 25 pieces of evidence in which the name “*tenger*” is used as the proper member. Of those, “*uul* (mountains)” are located in the following territories: *Otgon Tenger uul* is in the Otgon local administrative unit of Zavhan Province, *Tenger Davaa uul* is in the Burd local administrative unit of Uvurhangai Province and the Bulnai local administrative unit of Zavhan Province, *Tenger Davaat uul* is in the Hutag-Undur local administrative unit of Bulgan Province, *Tenger Han uul* is in the Sant local administrative unit of Selenge Province, *Tenger Tsaram uul* is in the Hangai local administrative unit of Arhangai Province and the Gurvanbulag local administrative unit of Bayanhongor Province, *Tsagaan Tenger uul* is in the Dadal local administrative unit of Hentii Province and *Elst Tenger uul* is in the Numrug local administrative unit of Zavhan

Province. Additionally, “tenger (heaven)” is located in the following territories: *Tenger Davaanii am* is in the Bulnai and Durvuljin local administrative units of Zavhan Province, *Ih Tengeriin am* is in a district of Ulaanbaatar city, *Tenger Usnii hooloi* is in the city of Choibalsan in Dornod Province, *Tenger Davaanii Hoid hyar* is in the Jargalant local administrative unit of Huvsgul Province, *Tenger Davaanii hyar* is in the Ih Uul local administrative unit of Zavhan Province, *Tenger Tsaramiin hyar* is in the Hangai local administrative unit of Arhangai Province and Gurvanbulag local administrative unit of Bayanhongor Province, *Tenger davaa* is in the Undurshireet and Lun local administrative units of Tuv Province, *Tengeriin tal* is in the Altanbulag local administrative unit of Dornogovi Province, and *Tenger toirom* is in the Hatanbulag local administrative unit of Dornogovi Province.

The notion of *Ovoo* will now be discussed. Since the names of *ovoo*, including *ovoo* erecting, installing a charm, consecrating and worshipping, are a large subject of study on their own, we only aim to accomplish the research goal of tracing the name meaning of *ovoo*, which can be correlated with the aforementioned name of “burqan” and “tenger” in terms of meaning. The reason for this goal is that it is very common in Mongolian geographical names for the names of mountains to be made from the names of “*ovoo*” and for “*ovoos*” to be called by their mountain names. On the other hand, we have considered that ancient sacred Mongolian geographical objects should be reflected in the names of *ovoo* and other geographical names that came before. We intended to investigate this hypothesis with Mongolian geographical name evidence. Therefore, we first look at the type of names collocating with the base name “*ovoo*” and then examine the type of names consisting of the names of carnivores, winged creatures and representatives of other animals relating to animal worship in early Shamanism.

Currently, there are 862 names in Mongolian territory, as registered in our dictionary and the “Electronic Fund of Mongolian Geographical Names”, in which “*ovoo*” is used as the base noun and 4439 names in which “*ovoo*” is used as a proper noun.

“*Qaldun*” in the collocation of “*Burqan Qaldun*”

The various interpretations of *qaldun* give an impression of the substructure principle of speech, namely, the universal proper noun structure, i.e., *proper noun* + *base noun* which is the product of speech, i.e., the creation of the speaking person, and no language structure is being disregarded. The proper noun exists neither without the base noun nor alone, i.e., the base noun is the existing foundation of the proper noun. Therefore, proper nouns are composed of at least two words, as seen by examples of the implementation of natural objects, persons, animals, candies, fruits and carpets, etc. In modern speech, we say that “We are passing the winter in *Hujirt*”, “Today, I ran into *Dolgor*”, and “I will buy *Yargui*”. In this situation, the communicating people know that *Hujirt* is a river or a mountain valley, *Dolgor* is a person and *Yargui* is a candy, so they abbreviate the base nouns. If a communicating person does not know

the base noun of the proper noun, the base noun must be mentioned in order to gain understanding. Communicating with the use of a single proper noun tends to be dominant in informal speech in comparison with written language. In our research on modern Mongolian geographical names, by the double counting of dialects, we find that approximately 240,000 proper nouns are followed by approximately 450 base nouns. When His Excellency Perlee H. prepared a list of geographical names in the Secret History of the Mongols, few base nouns that are used as proper nouns were used in accordance with this context. This example can be used as clear proof of our abovementioned idea. Furthermore, we acknowledge that the names of rivers differ from names of mountains and other objects by their structural constituents and features as proper nouns, and this idea was sufficiently proven in *Research on Forms and Semantics of Mongolian Geographical Names*, Ulaanbaatar, 2004, page 322; *Onomastics of Mongolian Geographical Names*, Ulaanbaatar, 2008, page 534; a dictionary with a total of 18 volumes; and numerous presentations and articles. Based on the conclusions of these studies, it should be considered that the name *qaldun* is a compound noun that includes the name *mountain*, and it is a base noun altered by merging it with a previous word. Such phenomena commonly occur in Mongolian geographical names, for example, *aduun tseg-adaatsag*, *shar had-sharad*, *ar sogoot* (in a valley)–*arsgaat*, *har shar* (mountain)–*galshar* (a local administrative unit).

Conclusion

Based on our research, the following conclusions are drawn.

1) First and foremost, we fully support that the etymology of “*burqan*” is related to the “*burgas*” (willow tree) based on the act of *Ovoo* worshipping in the Hunnu Dynasty by ancestors of the Mongols, as written in the Chinese Historical Sources and “*Altan товч*” by Scholar Luvsandanzan.

2) In the SHM, the first occurrence of the name “*burqan*” can be understood as “*hishgiin* (well-being)” *burqan* i.e., *ovoo*, and the second occurrence of the name “*burqan*” can be understood as “*ongon* (a shamanist ancestral idol of a certain tribe at that time)”, i.e., *ovoo*. “*Burqan*” is considered to be different from the Buddhist term “*burhan*”.

3) Synthesizing all of the previously mentioned evidence related to “*tenger* (heaven)” in a certain time span, it seems that “*tenger*” was used as the base name for the notion of “*shuteent ongon* (totem of veneration)” by combining “*gazar* and *tenger* (the earth and heaven)”. Therefore, in the name of “*Otgon tenger*”, meaning “gracious”, the original base name meaning of “*tenger*” became vague, and the word “*uul*” was added in the final position and the new collective form began to be used in practice. On the other hand, this idea is proved by the evidence of the name “*tenger*” in modifying “*am*” (mountain valley) and having the function of the proper member as well as by evidence of the name “*am*” leading to “*tenger*” or “*ovoo*” in the current practice. One clear example of this proof is “*Ih Baga Tengeriin am*” leading to *Tsetsee Gun*, the sacred *ovoo* of *Bogd Han Hairhan*.

Along with this, it is undeniable that the proper member “*tenger*” collocates with the other base names, such as “*davaa*” (mountain-pass), “*toirom*” (salt marsh) and “*tal*” (steppe), in the formation of the Mongolian geographical names by modifying them with the meaning of “*undur*” (high), “*huh*” (blue), “*ih*” (many) and “*hyazgaargui*” (limitless). Furthermore, it should be emphasized that there are some cases of relating the other geographical objects to the geographical object called “*tenger*” for naming purposes, among them are the 25 names mentioned above.

4) The names viz *burqan*, *tenger*(sky), *bunhan* (tomb), *sharil*(remains), *tahilga*(ceremony of offering), *tahidag*(worshipped), *tahil* (offering), *altan* (golden), *haan* (king) and *noyon* (lord), collocating with “*ovoo*” in Mongolian geographical names, prove our hypotheses suggesting that the three base nouns, *Бурхан-тэнгэр-овоо* (*Burqan-tenger-ovoo*), had the same meaning

and replaced each other in certain historical time periods or that the three names were used during different periods of time. These usages are clearly traced through time. On the other hand, the immortalization of several animal names that have been inherited through acts of Shamanism and Buddhism and have been used for a long time in Mongolian geographical names witnesses geographical names of nomads, who are intimately related with nature, as monuments created by historical and cultural words that contain an immense amount of information.

5) We ourselves prove that there is a base noun, *mountain*, that is included in the name *qaldun*, but we are taking a step back to say which previous names were used without any concrete evidence before now. In terms of the hypotheses of the previously mentioned researchers, the hypothesis that is closest to our suggestion is rock+mountain.

References:

1. Bazarragchaa M. “Burkhan-qaldun” gedeg ugiin garal, butsiin ontslog [The Origin and Structural Feature of the word Burqan Qaldun]. The Secret History of the Mongols and Research on the Medieval Century Mongolian History. Compilation of Scientific Conference Abstracts, 2010.XI.07-10, Ulaanbaatar. 2010.
2. Buhhad B.N. Mongolyn nuuts tovchoony shinjlel [Research on the Secret History of the Mongols]. Ulaanbaatar. 2010.
3. Dulam, S. “Mongolyn nuuts tovhoon” dahi “qosi’un qucilis” helts bolon “Burqan-qaldun” neriin tukhai [About the name Burqan-qaldun]. The Secret History of the Mongols and Research on the Medieval Century Mongolian History. Compilation of Scientific Conference Abstracts, 2010.XI.07-10, Ulaanbaatar.
4. Eldendei, Ardaajav. Mongolyn nuuts tovchoon siiruulel tailbar [The Secret History of the Mongols-Copying out explanation]. Huh Hot: Publishing House of Inner Mongolian Education. 1986.
5. Gaadamba, Sh. Mongolyn nuuts tovchoo [The Secret History of the Mongols]. Ulaanbaatar. 1990.
6. Ganzorig Davaa-Ochir. Ovoo Worship. The Worship of Earth and Water Divinities in Mongolia. University of Oslo Publishing. 2008.
7. He Xing Liang. Zhongguo tuteng wenhua [Chinese Totem Culture]. Chinese Social Sciences Press.
8. Igor de Rachewiltz. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. (<https://cedar.www.utoronto.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=cedarbooks>).
9. Injinash. Huh devter [The Blue Chronicle]. Huh Hot: Publishing House of Inner Mongolian People. 1981.
10. Jin Gang. Obuga tahlga-jin mun chanar-ji ugulehu ni [Stating the Essence of Ovoo Worship]. Social Sciences of Inner Mongolia, Volume 2, Inner Mongolia. 1999.
11. Luvsandanzan. Altan Tovch [The Golden Chronicle]. 1651.
12. Magdalena Tatár. Two Mongol Texts Concerning the Cult of the Mountains // Acta Orientalia Academiae Hung. Volume XXX (1). 1976
13. Maidar, D., Darisuren, Lha. Mongol ger [Mongol Ger], Ulaanbaatar. 1987
14. Perlee Kh. Nuuts tovchoond gardag gazar usny zarim neriig haij olson ni [Discovering some geographical names used in the Secret History of the Mongols]. Ulaanbaatar: Publication for Institute of Science and Higher Education. 1958.
15. Poppe N. On some geographical names in the JĀMĪ’ AL-TAWĀRĪX- HJAS. 1956.
16. Purev O. Mongol buugiin shashin [Mongolian shamanism]. Ulaanbaatar. 1998.
17. Ravdan E. Mongolyn gazar nutgiin neriin zuilchilsen toli [The Thematic Dictionary of Mongolian Geographical Names]. 8 volumes, Ulaanbaatar. 2004.
18. Ravdan E., Narangarav J. Mongol gazar nutgyn neriin huvislyn toli [Dictionary of Mongolian Geographical Name Evolution]. Ulaanbaatar. 2011.
19. Rinchen B. L’Explication du nom Burqan Qaldun-Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Tomus 1, fasc.1, Budapest. 1950.
20. Sainjargal. Monggol jang uiile-iin nebterhei toli [The Encyclopedia of Mongolian Traditions]. Huh Hot : Vocational Training Publishing House of Inner Mongolian Academy of Sciences. 1999.
21. Saishaal. Chingis haany tovchoon (deed) [Brief Account of Chinggis Haan (higher)]. Huh Hot : Publishing House of Inner Mongolian People. 1987.

22. Tserensodnom D. Translations and Commentaries of the Secret History of the Mongols, Beijing : National Publishing House. 1993.
23. Tsetsentsogt. Monggol ugs-un izagur-un toli [The Dictionary of Mongolian Word Roots]. Inner Mongolia. 1988.
24. Tsevel Ya. Mongol helnii tovch tailbar toli [Thesaurus of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar. 1966.
25. Van Guevei Bogd baatryn bier dailsan temdeglel [Records on Fighting by Bogd Hero]. Hailar : Publishing House of Inner Mongolian Culture. 1979.
26. Vladimirtsov B. Ya. Etnologo-lingvisticheskie isslyedovanija v Urge, Urgenskim i Khenteiskom raionah [Ethnolinguistics research in the region of Urge and Khentii] Severnaja Mongolija [North Mongolia] Volume 2, Soviet Union. 1926.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

№ 4(82)
Апрель 2021

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+